ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 68 (3097) | Вторник, 9 июня 1953 г. | Цена 40 коп.

Эта большая, почти трехметровая скульптура В. Маяковского — дипломная работа выпускника Тбилисской академии художеств Гурама Кордзахия.

Молодой скульптор, с отличием защитив диплом, готовится к поступлению в аспирантуру Московской академии художеств.

В июле этого года исполняется 60 лет со дня рождения Владимира Маяковского. Создание памятника Маяковскому, намеченное решением Правительства еще в 1940 году, как и создание памятников другим писателям, недопустимо затягивается до сих пор. В значительной мере вина здесь лежит на руководстве Оргкомитета Союза советских художников, слишком равнодушно относящемся к выдвижению молодых талантливых скульпторов.

В частности, например, работа Г. Кордзахия даже не была выставлена для обсуждения на традиционной выставке дипломных работ выпускников художественных вузов 1952 года, хотя имела на это несомненное право. И это пример — далеко не единичный.

Не свидетельствуют ли подобные факты о неверном отношении к росту творческих кадров, о стремлении определенного круга лиц к монополии в области скульптуры? Было бы правильно изменить подобную ошибочную практику и впредь шире, с открытой душой привлекать свежие, талантливые молодые силы к работе над проектами памятников.

Новое на московской подземной дороге

В Москве на Покровском радиусе метро началось строительство новой станции «Первомайская». Она сооружается в поселке Измайлово, примерно в полутора километрах от существующей станции «Измайловская». Это будет замечательный подарок жителям обширной и быстро растущей части Сталинского района столицы, которые ездят до ближайшей станции метро пока на трамвае. Строительство намечено окончить в текущем году.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» главный инженер проекта Г. Голомбик сообщил, что в отличие от существующих станций московского метро платформа «Первомайская» будет не подземной, а наземной.

— Как известно,— сказал он,— Покровский радиус оканчивается сейчас станцией «Измайловская». От этой подземной станции пути идут к Измайловскому депо, расположенному на поверхности. Новая станция пристраивается непосредственно к зданию депо.

Наземная линия ранее служила лишь для ввода поездов на ночь в депо. По этой же линии и двухпутному ответвлению от нее вагоны последуют на платформу «Первомайская» — в зал шириною около 13 метров. На московском метро, таким образом, появится первая наземная пассажирская линия. Платформа «Первомайская» станет конечной остановкой на Покровском радиусе метро.

После выхода из тоннеля наземная линия нигде не пересекается с дорогами; она не может служить помехой движению городского транспорта.

— Возможно ли сооружение наземных платформ на концах других радиусов метро?

— Сейчас еще рано отвечать на этот вопрос,— сказал тов. Голомбик. — Надо тщательно и всесторонне изучить опыт строительства и эксплуатации первой наземной платформы.

Холод на колесах

На подъездных путях Брянского паровозостроительного завода стоят необычные вагоны, окрашенные в белый цвет.

— Вот это и есть наша новинка,—говорит главный конструктор завода А. Кузьмин, когда мы подходим ближе.

Бригады плотников и слесарей-монтажников заканчивают последние работы — устанавливают внутреннее оборудование и деревянные решетки. Маляры выводят на стенах вагонов заводские номера, а в верхней части стен крупными буквами — «Молочный».

Входим в вагон. Он оборудован внутри полками в несколько ярусов для установки молочных бидонов. В обычных вагонах-ледниках смесь льда и соли укладывается в решетчатые карманы на передней и задней стенках. Температуру внутри вагона можно довести до пяти градусов ниже нуля, но распределяется холод неравномерно: у стен со льдом — холоднее, посредине вагона — теплее. В новых вагонах лед находится наверху. Холодный воздух равномерно опускается книзу, а теплый—подымается кверху, температуру внутри вагона можно снизить до минуса десяти градусов.

На соседнем вагоне другая надпись — «Фруктовый». В нем такая же система охлаждения, только внутреннее устройство приспособлено для размещения ящиков. В вагоне видим... печь. Для перевозки фруктов требуется от двух до десяти градусов тепла, а для бананов 14—18. Особое устройство печи и дает возможность в любое время года держать нужную температуру внутри вагона. В конце июня завод выпустит двадцать таких вагонов, оборудованных для перевозки фруктов, в частности бананов. Это — целый эшелон! Он пойдет испытательным рейсом на Дальний Восток.

— Ну, а здесь вы увидите совсем необычное оборудование,— сказал конструктор Кузьмин, когда мы подошли к вагону с надписью — «Живорыбный».

Внутри вагона размещены два железных бака на 24 кубометра воды — для перевозки восьми тонн живой рыбы. С помощью насосов вода в пути непрерывно циркулирует, обогащается кислородом. В таком вагоне живую рыбу можно перевозить для магазинов, а также для переселения ее в новые водоемы.

Брянский завод приступает к выпуску большого количества самых различных вагонов-ледников. Заказы на них растут.

П. МАКРУШЕНКО,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

БРЯНСК. (По телефону)

О НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ФИЛЬМЕ

В Москве, на Арбате, есть кинотеатр «Наука и знание». Из самого названия со всей очевидностью явствует, что такой кинотеатр создавался с тем, чтобы зритель мог увидеть на его экране фильмы, популярно рассказывающие о новых достижениях во всех отраслях современной науки, о непрерывном процессе беспредельного расширения границ человеческого знания.

Взглянем, однако, на афиши, висевшие у входа в этот кинотеатр на протяжении первой недели июня. Они извещали, что большинство сеансов отведено фильму «Джамбул», который демонстрировался также на экранах других кинотеатров столицы, в том числе и по соседству с «Наукой и знанием», в кино «Художественный», что на Арбатской площади. На остальных — немногих — сеансах кинотеатр «Наука и знание» предлагал своим зрителям два хроникально-документальных фильма «Счастливое детство» и «Советское Приморье»...

Почему же кинотеатр, единственный в столице и один из очень немногих в стране, предназначенный для широкой пропаганды научных знаний средствами киноискусства, не выполняет своего прямого назначения?

Потому что научно-популярных фильмов у нас выпускается слишком мало, причем хороших, обладающих точным адресом и верно решающих поставленные перед ними задачи, — непозволительно мало.

На первый взгляд, цифры противоречат такому утверждению. Существующая в Москве Студия научно-популярных фильмов выпустила в 1950 году 74 названия, в 1951 году — 82, в 1952 году—81.

Но каталог выпущенных фильмов, так же как афиша кинотеатра «Наука и знание», неумолимо свидетельствует о том, что цифры эти не соответствуют реальному положению вещей.

Из 74 фильмов выпуска 1950 года — 44 представляют собою учебно-инструктивные фильмы, выпущенные по заказу различных организаций для узкой аудитории, изучающих ту или иную специальность. 21 фильм — это 12 номеров киножурнала «Наука и техника», пять номеров киножурнала «Новости сельского хозяйства» и четыре киносборника «На стальных магистралях», выпускаемого для работников транспорта. Собственно научно-популярных фильмов выпущено в 1950 году всего **девять**. Из них шесть (каждый по две части) — видовые фильмы, показывающие различные уголки нашей Родины; два фильма (по одной части) посвящены творчеству художников и один фильм — истории авиации.

В 1951 году из 82 фильмов, выпущенных студией, к научно-популярным могут быть отнесены **восемь**. Три из них — видовые, в четвертом воспроизведены для экрана несколько картин художника И. Н. Крамского, пятый посвящен творчеству мастеров Малого театра; остальные три — полнометражные фильмы «Во льдах океана», «Повесть об охоте» и подвергшийся серьезной критике в партийной печати фильм «Человек идет по следу».

Из 81 фильма выпуска 1952 года научно-популярных было **шесть** — общим объемом в девять частей. Это «Виктор Васнецов», «Художник Верещагин», «Всесоюзная художественная выставка 1951 года», «Горные реки Кабарды», «Случай на зимовке» и «Солнечное затмение 1952 года».

Легко убедиться, что даже и в этих скудных перечнях многие фильмы лишь с натяжкой могут быть отнесены к научно-популярному жанру. Столь же самоочевиден и тот вывод, что Студия научно-популярных фильмов от года к году выполняла свою основную задачу все хуже и хуже, **сокращая** количество тех фильмов, ради выпуска которых она в свое время и была создана. Наконец, каталог приводит еще и к третьему бесспорному выводу — о крайней тематической узости производственных планов студии, об отсутствии вкуса к разработке подлинной научно-популярной тематики во всей ее широте.

Не так давно в газете «Советское искусство» (№ 32 за 18 апреля 1953 года) была напечатана статья режиссеров Студии научно-популярных фильмов А. и Е. Алексеевых. Эта статья была направлена против так называемых «биологических фильмов», поставленных в разные годы режиссерами А. Згуриди и Б. Долиным («Закон великой любви», «Сила жизни», «Лесная быль», «Во льдах океана» и др.). В этой статье много спорного, есть и прямо неверные положения, несправедливые упреки. Безосновательны, с научной точки зрения, упреки в антропоморфизме, предъявленные названным режиссерам. Непонятна та раздражительная придирчивость, с какою авторы статьи упрекают А. Згуриди в том, что, ставя фильм «В песках Средней Азии», он показал преобразующую деятельность человека лишь в заключительной части. Композиция фильма не вызывает решительно никаких сомнений в закономерности такого построения. Большинство фильмов А. Згуриди и Б. Долина талантливы, интересны по содержанию, хотя и в них есть свои недостатки, которые следует критиковать и творчески обсуждать. Беда научно-популярной кинематографии отнюдь не в том, что **эти** фильмы были поставлены. Беда в том, что были поставлены **только** эти фильмы, что жизнь животных оказалась единственной отраслью знания, в которую вторгся объектив кинематографистов, работающих в научно-популярном кино.

Как режиссер А. Згуриди имеет полное право на творческое пристрастие к определенному жанру своего искусства, к определенной отрасли знания. Но как художественный руководитель студии он обязан заботиться о том, чтобы в стенах этой студии вырастало как можно больше молодых режиссеров, способных удовлетворить весь круг интересов советского зрителя, вникающих во многие и разные области науки. До сих пор такая забота о молодой режиссуре научно-популярного кино отсутствовала. Следует отметить, что и сам А. Згуриди не воспитал ни одного молодого режиссера, работающего в области биологического фильма.

Широкая популяризация науки — давняя и славная традиция великих русских ученых. «Наука должна сойти со своего старого пьедестала и заговорить языком народа, то есть популярно!»—призывал К. А. Тимирязев. В речи об общественных задачах ученых обществ он говорил: «Дело популяризации науки, должным образом понимаемое и руководимое людьми науки, представляет значение не только как средство для развития личности,—оно имеет и другое общественное значение, одинаково важное для дальнейших успехов как науки, так и самого общества. Привлекая все общество к живому участию в успехах знания, прививая ему эти умственные аппетиты, от которых, раз их усвоил, так же трудно отвыкнуть, как и от аппетитов материальных, делая все общество участником своих интересов, призывая его делить с нею радости и горе,—наука приобретает в нем союзника, надежную опору дальнейшего развития».

Массовому читателю адресовал К. А. Тимирязев свой классический труд «Жизнь растения». Для массового читателя писал академик С. Вавилов «Глаз и солнце». Автором целого ряда научно-популярных работ был замечательный эпидемиолог Д. Заболотный. К самой широкой аудитории обращался академик А. Ферсман со страниц «Занимательной минералогии» и «Воспоминаний о камне». Как увлекательнейший роман, читается книга академика Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями». Ясно и доходчиво стремились рассказать народу о своей науке крупнейшие наши археологи и астрономы, металлурги и конструкторы новых машин, физиологи и химики. Много книг, широко популяризирующих передовые методы труда, написано новаторами социалистической промышленности и сельского хозяйства. Есть у нас писатели — Н. Михайлов, М. Ильин, В. Сафонов, Г. Фиш, О. Писаржевский и другие, работающие в жанре научно-художественной литературы.

О развитии и совершенствовании этого жанра деятельно заботился А. М. Горький. Он составлял планы выпуска книг, которые последовательно и систематически помогали бы самым широким кругам читателей ориентироваться в различных областях знания. При этом он подчеркивал: «Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции».

Возможности кино в благородном и государственно-важном деле широкой популяризации научных знаний безгранично велики. Однако эти возможности до сих пор остаются неиспользованными. Одна из причин этого заключается в том, что работники, пришедшие в научно-популярную кинематографию, не сумели учесть и использовать богатый опыт, накопленный в этой области советской литературой.

Выступая в защиту того узкого круга тем, который утвердился в научно-популярной кинематографии, некоторые режиссеры и сценаристы говорят, будто фильмы о зверях и птицах — единственные, способные вызвать живой интерес широкой аудитории. Нет необходимости доказывать, насколько неправильно это мнение. Разве не следил зритель с интересом и волнением за кадрами фильма, в котором показана была работа академика В. Филатова, возвращающего людям зрение («Они видят вновь», режиссер Н. Грачев)? Разве со скукой смотрит и слушает зритель «Повесть о жизни растений» (режиссер М. Каростин) или волнующий рассказ о замечательной победе человеческого гения в фильме «Первые крылья» (режиссер А. Гендельштейн)?

А ведь эти фильмы были лишь первыми шагами в серьезном освоении научной тематики. Шаги эти очень нерешительны: три названных фильма сделаны тремя студиями за пять лет, притом последний из них выпущен три года тому назад!

Наука развивается в жестокой и непримиримой борьбе идей. Недаром И. П. Павлов говорил о **«сшибке»** материализма с идеализмом, повседневно происходящей в стенах его лабораторий. Ясное понимание боевого характера подлинно прогрессивной науки позволяет насыщать научно-популярные произведения волнующим драматизмом, возникающим не из надуманных «беллетристических» прикрас, но из действительной борьбы нового со старым во всех областях научной жизни.

Нам необходимы фильмы, которые пропагандировали бы последние достижения советской науки и техники, будили бы и вели изобретательскую мысль, воспитывали конструктивно-технические способности, широко распространяли опыт новаторов промышленности и сельского хозяйства, делая это увлекательно, на высоком уровне подлинного искусства, с глубоким знанием дела. В этом и заключается большая задача, для решения которой создана научно-популярная кинематография.

До сих пор эта задача решается неудовлетворительно.

Если у нас и есть фильмы, затрагивающие отдельные проблемы той или иной науки, то фильмов, которые вводили бы зрителя в широкий круг знаний, используя при этом весь арсенал образно-художественных средств, — фильмов о строении материи, о современной теории происхождения земли и т. д. и т. п.—у нас пока еще нет. Между тем должен быть создан фонд научно-художественных фильмов, знакомящих зрителя с основными отраслями знания на основе марксистско-ленинской диалектики. Не следует забывать, что в круг тем, составляющих этот фонд, могут и должны быть включены фильмы, экранизирующие также и тематику гуманитарных наук.

Для того, чтобы задачи, поставленные перед научно-популярной кинематографией, решались во всем их объеме, со всею ответственностью и на высоком идейно-художественном уровне, необходимо выйти из тесного круга существующих тем, установить тесный творческий контакт между работниками научно-популярной кинематографии и штабом советской науки, Академией наук СССР, и сообща — с полным пониманием того, что это является важным общенародным делом,— наметить широкий последовательный план популяризации насущных научно-технических проблем средствами киноискусства.

Наряду с привлечением к работе в научно-популярной кинематографии крупнейших советских ученых, к созданию сценариев следует привлечь и писателей, много лет успешно работающих над популяризацией различных отраслей знания.

Фактическое отсутствие научно-популярных фильмов, адресованных широкой аудитории зрителей, нередко скрывается за цифрами выпуска учебно-инструктивных фильмов, имеющих совершенно иное назначение и иной адрес. Планы производства таких фильмов должны быть строго разделены. Быть может, стоит подумать и об отделении студий, отвечающих за выпуск научно-популярных фильмов, и организаций, принимающих и выполняющих заказы на выпуск фильмов, предназначенных для учебных целей.

Наконец, важная проблема — организация проката научно-популярных фильмов.

Недавно читатель нашей газеты Н. Медведев из г. Куртамыш Курганской области прислал в редакцию письмо. В журнале «Огонек» он прочитал статью о научно-популярных фильмах, явившуюся для него откровением. «К большому своему удивлению, — пишет он, — из этой статьи я узнал, что на экраны выпущено много новых интересных картин, о которых мы, рядовые зрители кино, не имеем никакого понятия, так как их не ставят на киноэкранах. Не только я, но и все мои знакомые—любители кино ничего не знали о таких фильмах, как «Вселенная», «Повесть об охоте», «От Арала до Каспия», «Славное море» и другие».

Даже и то немногое, что пока сделано научно-популярной кинематографией, так и не дошло до миллионов советских людей. Причина состоит в неумении организовать прокат этих фильмов.

Если взять каталог действующего фильмофонда Главкинопроката, то выяснится, что под рубрикой «научно-популярных фильмов» там, так же как и в планах киностудий, объединены и научно-популярные фильмы и учебно-технические. Правда, для последних в каталоге существует особый раздел, но там повторяются названия тех же фильмов, что фигурировали в предыдущем разделе в качестве научно-популярных: «Индустриальные методы производства железобетонных работ», «Возделывание подсолнечника», «Отделка фасадов зданий», «Сборные перегородки в жилых домах», «Карбонизированные изделия» и т. д. и т. п. Именно такие фильмы, отнюдь не рассчитанные на массовую аудиторию, но делающие свое полезное дело в качестве учебного пособия, составляют подавляющую часть прокатного фонда. На складах они лежат мертвым грузом. Опыт показал, что если любой художественный фильм просматривают в среднем семнадцать миллионов зрителей, то каждый документальный и научно-популярный фильм смотрят всего лишь 600—700 тысяч человек по всей стране.

Широкий прокат документальных и научно-популярных фильмов составляет сейчас монополию специализированных кинотеатров, выделенных для этой цели. Таких театров существует во всей нашей киносети тридцать, притом иные, как мы видели это на примере московского кинотеатра «Наука и знание», далеко не всегда занимаются своим прямым делом.

Клубам, Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний и его отделениям на местах разрешено бесплатно демонстрировать научно-популярные и документальные фильмы в качестве сопровождения лекций, докладов, тематических вечеров. Однако делается это далеко не везде. Так, профсоюзы, имеющие в своем распоряжении около девяти тысяч киноустановок, очень неохотно и неполно используют это свое право, сосредоточив все внимание на прокате художественных фильмов, приносящих доход.

Такой практике проката следует решительно положить конец. Сейчас необходимо вывести из складов и показать широкой аудитории все те хорошие научно-популярные фильмы, которые у нас есть. Когда же выпуск таких фильмов будет налажен, в каждом кинотеатре должно быть отведено определенное количество сеансов для демонстрации научно-популярных фильмов. Короткометражные научно-популярные картины наряду с документальными нужно включать в программу каждого сеанса и показывать зрителю перед демонстрацией художественных фильмов. Особое внимание соблюдению этого правила призваны уделять клубы.

Могущественная сила кинематографа в деле популяризации науки, техники, передового, новаторского опыта, достижений социалистического искусства должна быть использована до дна.

Научно-популярная кинематография не может существовать как искусство, где создается немногое для немногих. Она должна войти в народ как большой, любимый и талантливый наставник и друг.

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

БЕЗ СУЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН...

На центральном стадионе «Динамо» закончилась традиционная встреча легкоатлетов трех городов: Москвы, Ленинграда и Киева. В нем участвовали очень многие наши чемпионы и рекордсмены. Это была первая в 1953 году проба сил советских легкоатлетов.

Героем соревнований оказался талантливый горьковчанин Александр Ануфриев, выступавший вне конкурса. Он стартовал на пять тысяч метров. Через три километра у него уже были шансы на установление мирового рекорда, и лишь отсутствие конкуренции (следующий за ним участник проиграл 30 секунд) не дало ему возможности на 0,6 секунды (каких-нибудь три метра!) дотянуться до мирового рекорда шведа Гундара Хэгг. Новый рекорд Ануфриева — 13 минут 58,8 секунды. На следующий день неутомимый горьковчанин стартовал на 10 тысяч метров. И снова выдающийся результат — 29 минут 23,2 секунды, уступающий лишь мировому рекорду Эмиля Затопека (Чехословакия), и снова у Ануфриева лишь два противника — длина беговой дорожки и секундомеры в руках судей.

Высоких достижений добились еще два участника этих состязаний. Киевлянка Нина Откаленко (Плетнева) побила рекорд мира в беге на 800 метров, пробежав их за 2 минуты 8,2 секунды, а молодой ленинградец Владимир Кузнецов метнул копье на 76 метров 20 сантиметров — новый рекорд СССР.

К сожалению, на этом и заканчивается список достижений. Только шестеро из участников выполнили нормы мастера спорта! Из 174 результатов лишь 88 соответствовали нормам первого разряда. И это на всесоюзном соревновании лучших легкоатлетов!

В чем здесь дело? Почему опять, как и всегда (дурная традиция!), низки результаты бегунов на дистанции от 200 до 1500 метров? Почему все так же недосягаема для прыгунов двухметровая высота, все таким же событием являются прыжки в длину за семь метров, а рекорд СССР в метании диска для мужчин уступает мировому почти на пять метров? Почему?

Остановимся лишь на некоторых фактах. По официальным данным, в Москве около двух тысяч коллективов физической культуры не имеют спортивных секций по легкой атлетике. Легкой атлетикой занимается 55 тысяч человек. А спортивный разряд имеют лишь 20 тысяч, причем нормы мастера спорта выполнили всего 10 человек. Говорят, что мало у нас еще квалифицированных тренеров. Это верно, и этого за год не исправишь. Но разве, например, не мог бы выполнять роль коллективного тренера спортивный журнал?

Для полноценной тренировки легкоатлетов нужны базы, инвентарь, а их не хватает. На первенство страны по легкой атлетике, проводившееся в Киеве, барьеры везли из Москвы. Совершенно не налажено производство металлических шестов для прыжков. Печальной традицией стало проводить состязания по метанию молота и диска на задворках стадионов, у заборов, вдали от зрителей. Дело дошло до того, что недавно на столичном стадионе ЦДСА метание молота было... отменено из-за отсутствия подходящего места.

Мало проводится у нас состязаний. Тренеры нередко «охраняют» своих учеников от частых выступлений. Интересно, что когда Ануфриев на следующий день после рекордного бега на пятикилометровую дистанцию взял старт на десять километров, некоторые видные тренеры, сидевшие на трибунах, чуть ли не осуждали его за «легкомыслие». Между тем опыт сильнейших легкоатлетов мира говорит о том, что успех приносят именно частые выступления в состязаниях. Легкоатлет начинает готовиться к сезону с декабря. Неужели в июне он не может быть в высшей спортивной форме? Неужели он тренируется полгода только ради двух-трех выступлений?

Много издавалось приказов о мерах по развитию легкой атлетики в стране. Против содержания этих приказов возразить нельзя. Но одними приказами легкую атлетику вперед не двинешь.

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта СССР

Беседы за столом

Ежедневный репортаж о первенстве Европы по баскетболу для газеты «Спортул популар» вела Анжелика Розеану, заслуженный мастер спорта Румынской Народной Республики. Она четыре года подряд удерживает звание чемпионки мира по настольному теннису. Московские болельщики получили большое удовольствие, наблюдая за ее дружескими тренировочными встречами с нашими игроками. Встречи эти происходили по утрам — до начала баскетбольных соревнований, пока Розеану была свободна от своих журналистских обязанностей.

Розеану одинаково уверенно владеет нападением и защитой, она играет не только стильно, но и сильно, не только изящно, но и умно, собранно, результативно. Экономная, четкая, свободная от суетливости и напряженности работа мастера своего дела — красивое зрелище в любом виде труда и в любом виде спорта.

Хрупкая на вид, маленькая женщина без труда доказала, что защита наших молодых перворазрядников Поздеева, Рабиновича, Жукова еще не обладает необходимой прочностью и цепкостью. Справедливости ради следует сказать, что и в Румынии мужчины не слишком успешно играют против Розеану. Однажды пришлось вручить ей приз, как чемпиону Бухареста... среди мужчин.

Разговор, который велся по утрам при помощи маленького белого мячика за окрашенным в зеленый цвет столом, вечерами переходил в обыкновенные застольные беседы. Обсуждались, конечно, секреты мастерства. Сколько лет Поздееву и Рабиновичу? — спрашивала Розеану. — Каждому по двадцать. — А сколько лет они играют? — Один четыре года, другой — пять. — Вот и весь секрет! Поздно начали играть. Не приучились непрерывно двигаться — иногда чуть не на секунду застывают на месте. Нельзя же ждать, что противник по телефону предупредит, в какой именно угол он намеревается пробить! Еще один секрет: слишком много оглядки на тренера, на старших товарищей. Спортсмен должен воспитывать в себе способность быстро принимать самостоятельные решения.

Розеану начала играть на обеденном столе, когда ей шел девятый год, причем ростом она была ниже стола. С двенадцати лет Анжелика выступает в соревнованиях; в тринадцать лет участвовала в первенстве Румынии, в четырнадцать — выиграла первенство страны и в том же году впервые участвовала в первенстве мира. Но звание чемпионки мира она завоевала лишь после многих лет напряженного тренинга.

Слушая Розеану, можно было пожалеть, что в беседе не участвовали некоторые руководители Главного управления по физической культуре и спорту, в частности тов. Вересков. И вот почему. Летом 1952 года 15-летний Олег Кадыров в нарушение инструкций Всесоюзного комитета выиграл первенство Узбекистана. Его направили в составе команды на всесоюзные юношеские соревнования. Но тов. Вересков не разрешил Кадырову участвовать, поскольку последнему не исполнилось семнадцати лет. По инструкции о юношеских соревнованиях не положено, если младшие будут соревноваться со старшими в разных спортиграх и, чего доброго, выигрывать у старших. Это непедагогично!

На итоговом совещании тренеры Москвы, Ленинграда и ряда республик в один голос говорили о том, что в 1953 году обязательно надо будет провести всесоюзные соревнования по настольному теннису также для 15—16-летних. Но снова 15—16-летние юноши и девушки вычеркнуты из положения о соревнованиях.

Юные теннисисты, пловцы, шахматисты, фигуристы и другие юные спортсмены не должны бы ждать заочного разрешения заместителя начальника Главного управления по физической культуре и спорту тов. Верескова для того, чтобы проявить свои спортивные способности на всесоюзной арене. Избыточное количество «инстанций» не приносит пользы не только в драматургии... Устаревшие инструкции пора пересмотреть и освободить все союзные и республиканские спортивные организации от функций заочной опеки. Разрешение на участие в соревнованиях должны давать родители, хороший табель успеваемости, директор школы, наконец, тренер. Ни один возраст и ни один вид спорта не должны быть пасынком у работников спортивных организаций.

А. ВИНТЕР,
судья республиканской категории

СДЕЛАНО В МОСКВЕ

Не так давно московские гребцы отпраздновали радостное событие: на воду была спущена первая одиночка-«скиф» отечественного производства. Лодка была сделана в мастерской водной станции ВЦСПС, что расположена близ Каменного моста.

«Скиф» — остроносая, восьми-девятиметровой длины спортивная лодка, по форме напоминающая сигару, самая быстроходная и самая легкая. Весит она всего 14—15 килограммов. Опытный гребец развивает на ней скорость, равную 17 километрам в час. Лодки типа «скиф» — не только самые быстроходные, но и самые хрупкие. Толщина их корпуса 1—$1\frac{1}{2}$ миллиметра, лодку легко продавить пальцем.

Делается «скиф» из особой породы красного дерева, которое растет в Бразилии. До недавнего времени такого типа лодки ввозились исключительно из-за границы.

В прошлом году в мастерской водной станции ВЦСПС решили сделать нашу советскую лодку «скиф» и обойтись при этом без импортного материала. За дело взялась группа опытных мастеров-краснодеревцев во главе с Г. Рябцевым. На изготовление одиночки-«скифа» пошли особые сорта дерева, из которых обычно делают музыкальные инструменты, а также специальная фанера. Мастера гребного спорта дали хорошую оценку новому гоночному судну.

Сейчас в той же мастерской строится еще несколько «скифов». Так доказано, что при желании и умении лодки-«скифы» можно производить и у нас. А это означает, что гребным спортом на «скифах» теперь сможет заниматься значительно большее число людей, чем раньше.

Е. ЕВГЕНОВ

Фельетон

Разговор с книгопродавцами

ПО МАТЕРИАЛАМ КОРРЕСПОНДЕНТОВ И БРИГАД «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Меж тем, как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов...

Этими строками А. С. Пушкина из «Разговора книгопродавца с поэтом» мы начинаем откровенный разговор о недостатках, неполадках и головотяпстве в книжной торговле — разговор с книгопродавцами.

О пыльных громадах лежалых книг сообщают из многих пунктов страны корреспонденты нашей газеты и наши читатели. Из чего состоят эти громады? Как они возникли? Кто их воздвиг?

СЕЛЬДИ, ДОМНЫ, ОВЦЫ И ГОЛОВОТЯПЫ

Наш минский корреспондент сообщает: в книжные магазины Белоруссии недавно поступила новинка — «Дунайская сельдь и биологические основы ее промысла» (издательство Академии наук УССР, Киев, 1953, ц. 20 р. 95 к.). Этот объемистый научный труд осел на полках магазинов недвижным грузом. Как известно, Минск расположен на речке Свислочь, в которой не водится ни дунайская, ни какая-либо иная сельдь.

Почему научный труд о дунайской сельди заслан в Минск? Ошибка это или случайность? Видимо, не случайность. Из Станислава сообщают, что и там замечена «дунайская сельдь». Тревожные сообщения о появлении косяков этой книги поступают также из г. Сталино и других, вполне сухопутных, пунктов.

Телеграмма из Сталинабада: получена брошюра «Опыт новаторов московского троллейбусного транспорта». Опыт, безусловно, полезный, но, увы, книжка эта сейчас в Сталинабаде пользы не принесет. Троллейбуса там нет и, пока что, не предвидится. Не предвидится и читателя этой брошюры.

Сталинград. Район металлургического завода «Красный Октябрь». Книжный магазин. На полке — «Организация и техника разведения тонкорунного овцеводства». Люди здесь плавят и прокатывают сталь. Здесь, думается нам, бессмысленно распространять книгу о разведении тонкорунных овец. Здесь бы, несомненно, пригодились пособия по металлургии.

Именно их заслали во Владимир, где нет домен, но есть в магазинах книга «Работа мастера на современной доменной печи».

Предполагаем, что книжка под названием «Трансформирующаяся портативная театральная мебель» нужна и полезна как для небольших театров, так и для крупных коллективов художественной самодеятельности. Но сколько таких книжек нужно Смоленску? Местные книгопродавцы запросили 30 штук. Из Москвы им прислали 200 экземпляров, видимо, не иначе, как для пополнения «громад лежалых книг».

Утверждаем, что партитуры опер, балетов и ораторий действительно нужны и симфоническим оркестрам и студентам консерваторий. В городе Великие Луки, равно как и в районах области, еще нет ни консерваторий, ни симфонических оркестров, а всевозможные партитуры на общую сумму в 45 тысяч рублей уже три года лежат штабелями. Три года тому назад и во Владимир была заслана большая партия музыкальной литературы, предназначенной для студентов и педагогов консерваторий, участников симфонических оркестров,— более чем на 30 тыс. рублей. В области нет симфонических оркестров, нет и консерваторий, и естественно, что эта литература не пользуется спросом. Облкниготорг отправил было эти книги обратно в Москву. Ан, не вышло. На бывшего управляющего Облкниготоргом тов. Чистова наложили взыскание, а литературу снова направили во Владимир с оплатой перевозки ее в оба конца за счет тов. Чистова. И поныне партитуры лежат на складе.

— Наказали моего предшественника, но и для меня наука. Поэтому я не возражаю, когда в наш адрес отгружается литература, не соответствующая профилю Владимирской области, — говорит нынешний управляющий Облкниготоргом тов. Хромов.

...Мы верим — будет троллейбус в Сталинабаде, будут оперные театры и в Великих Луках и во Владимире. Надо заглядывать в будущее, надо приближать его. Но работники Союзкниготорга никуда не заглядывают — ни в будущее, ни в настоящее. Они просто-напросто бездумно, механически растасовывают книги.

И получается, что в село Натырбово Краснодарского края прислали книги и учебники на адыгейском языке, хотя в селе проживает только русское население.

И получается, что в Сафакулевский район Курганской области, преимущественно населенный татарами и башкирами, литература на их родных языках не поступает вовсе.

И получается, что в Медновский район Калининской области и в Ливенский район Орловской области — туда, где в школах изучают немецкий язык, шлют пособия по французскому языку, но зато не шлют — по немецкому.

В Калининской области не покупают роман К. Наджми «Весенние ветры». Автор не виноват. Вторую часть романа прислали, а первой нет как нет. Такое явление широко наблюдается не только с выпусками «Роман-газеты», но и со многими подписными изданиями. В науке о книготорговле явление это именуется — «некомплектность».

Житомир, Тюмень, Горький, Орел, Гродно, Псков, Алма-Ата... Другие города, другие книги, а картина, к сожалению, все та же.

В нынешнем году в Казахстане выпустили брошюру «Снег и его задержание». Было это в марте. Снег не сумел задержаться до той поры, когда книжка дошла до магазинов. Поэтому она надолго задержалась на прилавке.

— Видно, дело к зиме идет...

С опозданием всего на десять дней на базу Житомирского облпотребсоюза поступили первомайские плакаты. Всего какие-нибудь десять дней промедления, срок невелик, а урон значительный: плакаты остались недвижимы.

Из многих мест сообщают, что «Календарь колхозника», как правило, приходит с опозданием на 3—4 месяца и что колхозники, как это ни странно, календарей за прошлые годы не берут. Не берут в Витебске, где на базе скопилось 2878 экземпляров календарей за 1949—1950 гг. Не берут в Туле, не берут в Орле, где лежат календари и годом постарше.

Иные книги опаздывают явно: распиской об опоздании служат их так называемые «выходные данные» — даты подписания к печати. Но порой книги опаздывают стыдливо и тайно. По выходным данным как будто все в порядке. А на самом деле тиражи в магазины попадают намного позже, чем того требует дело. Длинен и медлителен путь книги из типографии до прилавка. И не тревожит это ни издателей, ни руководителей книжной торговли. И множат собой опоздавшие книги «пыльные громады лежалой прозы и стихов».

ПРОСИЛИ — НЕ ДАЛИ, НЕ ПРОСИЛИ — ПРИСЛАЛИ...

Многообразны причины возникновения залежей. Знаете ли вы, что такое «бланк для заказа»? Это рассылаемый Союзкниготоргом Главиздата информационный бюллетень о книгах, выходящих из печати. Пользуясь «бланком», местные работники книготорговли имеют право заказывать нужные книги в нужном количестве. Так должно быть. Но так в жизни чаще всего не бывает.

Директор книжного магазина, расположенного на улице Кирова в Риге, А. Я. Безикова сказала нашему корреспонденту:

— Снабжение книжных магазинов литературой по «бланк-заказу» — в идее вещь хорошая. Мы получили возможность составлять заказы на основе заявок наших покупателей. Но беда в том, что Союзкниготорг превращает нередко эти «бланк-заказы» в пустую бумажку. Сделав заказ на те или иные книги, мы никогда не знаем, когда получим их и получим ли вообще.

Вот несколько примеров. Заказ на книгу «Добыча гидроторфа» мы сделали в 1951 году, а получили ее 27 мая 1953 года. В 1950 году оформили заказ на «Справочник дорожного мастера». Прошло более двух лет, но до сих пор не получили ни справочника, ни других заказанных книг по дорожному строительству. Вот уже два года мы испытываем терпение наших покупателей, которым пообещали, поверив «бланк-заказу», «Юридический справочник». Таких примеров множество.

Тов. Безикова права — таких примеров, действительно, много. Но еще больше случаев, когда присылают в десятки раз больше просимого количества книг. Так случилось, например, с уже знакомой нам книгой «Трансформирующаяся портативная театральная мебель». Как мы уже сообщили выше, Смоленск просил 30, а получил 200 экземпляров. Город Калинин просил тоже 30, а получил 300.

Хуже того. Присылают, совершенно не считаясь с заказом, а значит, со спросом покупателей. Кто, в самом деле, может поверить, что книготоргующие организации Сталинской области заказали для поселка Авдеевка партию русско-японских словарей?

В книжный магазин № 6 города Горького в мае 1953 года прислали, разумеется, без заказа, двадцать экземпляров книги «Айва». Труд по чаеводству очутился на полках книжных магазинов эстонских городов Таллина, Тарту, Пярну и Вильянди. Однако чай в Эстонии попрежнему не произрастает, ибо не может. О подобных фактах — «не просили — прислали» — сигнализируют из Омска, Куйбышева, Тулы, Тюмени, Пскова и других городов.

Такова практика работы с «бланком для заказа». Вот и получается, что, перестав доверять обещаниям Союзкниготорга, некоторые работники местных книготоргов совсем не стали пользоваться пресловутыми бланками.

Но не тут-то было! В Союзкниготорге изобрели другой способ сбагривания лежалых книг. Речь идет о так называемых «образцах». Что это такое? Это стыдливая торговля в розницу теми книгами, которых места оптом не берут.

Наш костромской корреспондент сообщает: «Почти ежемесячно поступает от Союзкниготорга большое количество образцов различной технической литературы, которую никто не берет, так как она не требуется костромскому читателю. Сейчас этих книг накопилось на 40 тысяч рублей».

Наш великолукский корреспондент, уточняя, что речь идет не о новинках, а об образцах **старых** книг, сообщает: «Хотя такая литература высылается обычно в одном экземпляре, однако, только за три месяца 1953 года ее поступило на 6 тысяч рублей. В качестве «образцов» прислано 593 названия книг, которые есть в достаточном количестве в книготорговой сети области. Среди них такие, как «Почвы Краснодарского края», «Этапы и факторы эволюции растительного покрова черноземных степей», «Происхождение рельефа Южного Урала»... А ведь с мест Союзкниготоргу своевременно высылается картотека «свободных остатков» и «изданий, не пользующихся спросом». В ней указываются те же книги, которые Облкниготорг получает под маркой «образцов».

Как явствует из этих сообщений, рассылка так называемых «образцов» есть не что иное, как принудительный ассортимент, как способ разгрузки центральных складов. Самое обидное, что многие из «принудительных» книг не попадают туда, где они нужны, где их ждут. Смеем утверждать, что и «Русско-японский словарь», и труды по чаеводству и виноградарству, и другие книги нашли бы своего читателя, если бы именно об этом пеклись и заботились организаторы книжной торговли.

Одно цепляется за другое. Из центра какие-то книги без разбору гонят в республиканские, краевые и областные города. Оттуда книги гонят дальше. В конце концов они из районов попадают в чуланы сельских магазинов. Дальше «зайца» гнать некуда. Большие материальные и культурные ценности оседают, пылятся, превращаются в макулатуру.

Создается впечатление, что руководители Союзкниготорга заняты не только и не столько подлинной книжной торговлей, сколько хаотической переброской некоторых книг из центра на периферию, с места на место, со склада на склад. Переброска эта создает видимость «распространения» книги, а по сути дела не имеет ничего общего с культурной советской торговлей.

ОБУЗА

— У вас есть литература?
— Литература? Нет, не имеется.
— Разве у вас нет книг?
— Ах, книг? Книги есть.
— Покажите, пожалуйста.
— Да до них не доберешься, **они очень далеко.**
— А вы все-таки покажите...

Разговор этот происходил в городе Плавске Тульской области между корреспондентом «Литературной газеты» и работницей оптового склада райпотребсоюза. Уступая настояниям, она все же повела корреспондента по лабиринтам склада, с полу до потолка заваленного всевозможными промтоварами. В одном из закоулков, под кипой одеял, ящиков с обувью, картонок с бельем, на полу стояли два ящика. Ткнув в один из них ногой, она сказала:

— Вот книги.

— Давно ли они здесь лежат?

— Не знаю. Я два года работаю, а их до меня привезли.

— Но ведь в прошлом-то году была переоценка книг, разве ящики не вскрывали?

— Вскрывали. Переоценили и опять сложили.

Попросили открыть ящики. Сняв чемоданы, одеяла, обувь, наконец добрались до книг. Оказалось 320 названий различных книг на 4 500 рублей (по сниженным ценам). Все книги изданы в 1948—1949 гг. Среди них — произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Белинского, Льва Толстого, книги советских писателей и поэтов, детская литература, много книг и брошюр по сельскому хозяйству, в числе которых труды Вильямса, Тимирязева, Мичурина. Словом, книги нужные. Их в сельмагах района нет.

Наш калужский корреспондент записал следующий разговор с заведующим базой Калужского райпотребсоюза тов. Еремецко:

— У меня книг каких хочешь! Таких книг вы, может, и не найдете нигде... Только вот показать сейчас не могу, далеко заложены, в ящики забиты.

И действительно, под тюками мануфактуры стоят у Еремецко три огромных ящика с книгами. По документам там числится на пять с лишним тысяч рублей книг и брошюр. Эта литература лежит больше года, а некоторые книги — и три года, вдали от магазинов, в тайне от покупателей.

Беседы эти в полной мере характеризуют отношение работников потребкооперации к возложенной на них почетной задаче распространения книг на селе.

Председатель Слободского райпотребсоюза Кировской области тов. Рычков выражает свое отношение к книжному делу весьма кратко — «обуза!». Но, пожалуй, еще более четко и ясно «сформулировал» ту же мысль председатель Овручского райпотребсоюза Житомирской области тов. Лазукин: «Товар неходовой. На нем много не заработаешь».

«Позицию» этих горе-кооператоров можно объяснить только одним — не умеют торговать и по недомыслию не хотят учиться. Не часто встретишь сельский магазин, в котором любовно оформлена книжная полка. Еще реже продавец книг выходит с лотком на базар. Во многих районах почти не видно стало книгонош, наших славных колхозных «коробейников». Никто по-настоящему не озабочен состоянием и развитием книжной торговли на селе. Наоборот, бывает так, что более ходовые книги целиком «оседают» в городах, до села не доходят.

Никто не занимается всерьез подготовкой кадров сельских книгонош и квалифицированных продавцов книг.

Впрочем, подготовкой и переквалификацией книжных работников не занимаются как следует и в городах.

МЕД И ДЕГОТЬ

— Не пошла! — как часто этот возглас приходится слышать от работников местных книготоргов. Означает он, что выпущена книга, которую не хотят покупать, книга либо серая, либо устаревшая, либо вовсе ненужная.

В 1949 году Куйбышевское областное издательство выпустило 5-тысячным тиражом книгу Я. П. Агеева «Организация труда в полеводстве колхоза». Книга не пошла.

В 1951 году то же издательство выпустило 3-тысячным тиражом книгу того же Я. П. Агеева «Организация и учет труда в колхозах». И эта не пошла.

В 1952 году то же издательство выпустило 5-тысячным тиражом еще одну книгу, опять-таки Я. П. Агеева, «Организация и оплата труда в колхозах». И эта не идет!

А почему? Потому, что тема более глубоко и подробно разработана в многочисленных изданиях Сельхозгиза. Коль скоро выяснилось, что тов. Агееву не удалась ни первая, ни вторая попытка написать полезную для куйбышевских колхозников книжку, зачем же предоставили ему право на третью вариацию одной и той же темы? Вот результаты: на складах и магазинах Облкниготорга лежат 2.370 экземпляров Агеева-первого, 2.600 — Агеева-второго и свыше 3.000 экземпляров Агеева-третьего...

— Это объявление, дяденька, мы наизусть уже выучили!

В Киеве побили куйбышевский рекорд.

В 1950 году Государственное издательство сельскохозяйственной литературы УССР выпустило на украинском языке книгу «Руководство по шелководству». Проходит год. То же издательство, выпускает книгу Л. Гончаренко «Организация и использование кормового фонда для дубового шелкопряда». Мало того: в 1951 году при участии того же автора выходит в том же издательстве сборник «Выкормка дубового шелкопряда». Через год книга «Разведение дубового шелкопряда» выходит в издательстве Академии наук УССР. Один из соавторов этой книги Н. Ситько в том же 1952 году выпускает брошюру «Промышленное разведение дубового шелкопряда», а другой из соавторов, Е. Карлаш, не отстает от коллеги — годом позже умудряется выпустить в издательстве Академии наук УССР книгу «Дубовый шелкопряд и выкормка его в колхозах».

Зачем столько параллельных изданий? Книжный рынок не в состоянии поглотить их. Они нужны разве только самим авторам для поддержания ученого престижа. Так вот и тянут свою нить в киевских издательствах три-четыре высокоученых «шелкопряда».

Большая часть выпущенной три года назад Кировским областным издательством книги очерков Г. Громыко о стахановцах меховой фабрики «Белка» застряла на полках магазинов. Чем это объяснить? Тем, что написана книга бледно, схематично.

Такова участь книг серых, слабых, неинтересных, где бы они ни издавались,— в области или в крае, в Орле или Ставрополе, Нальчике или Москве.

Слов нет, местные издательства выпускают и немало хороших книг. Тут художественная литература и, в частности, детские книги, тут и сельскохозяйственная, и техническая литература, основанная на конкретном материале, излагающая опыт передовиков и новаторов. Книги эти приносят пользу, и именно потому пользуются спросом.

Есть мед. Но есть и деготь — и в немалых количествах.

Из Омска нам сообщают: база Облкниготорга и торговая сеть крайне затоварены местными изданиями без надежды на реализацию. Общая сумма их на базе — около 600 тысяч рублей. Причина: ранее — завышение тиражей, сейчас — дряхлость.

Кабинет директора магазина № 1 Ивановского книготорга тов. Борзова:

— Вы спрашиваете, чем мы особенно затовариваемся? Конечно, продукцией Ивановского книжного издательства. Особенно плохо идут альманахи местного отделения Союза писателей. Только в нашем магазине вы найдете все альманахи послевоенных лет, начиная с № 7 (1947 г.) и по № 17 (1952 г.), причем не в одном экземпляре, а в десятках и сотнях. Должен вам признаться, что мы их в своеобразную «нагрузку» превратили: комплектуем для фабрик и заводов библиотечки,— обязательно положим туда по экземпляру старого альманаха.

В областной конторе Книготорга слова тов. Борзова не только подтвердили, но и во многом дополнили. В магазинах и на книжных складах области скопилось сейчас продукции местного издательства на 857.900 рублей.

Недвижно лежит в Пскове альманах «На берегах Великой». Слабо расходится в Горьком «Волжский альманах». Из 8-тысячного тиража изданной в 1950 году в Куйбышеве 6-й книги альманаха «Волга» не распродано 5.200 экземпляров.

В чем же тут дело?

Вот что говорят на этот счет куйбышевские работники книжной торговли:

— Альманах выпущен в мягкой обложке, а стоит дорого — свыше 7 рублей. Но главное — то, что ни в одном номере нет законченных произведений. В одном напечатана вторая часть романа В. Баныкина «Фомичевы», в другом — первая половина романа Л. Ковалева «Кровь земли». Кому же нужны сборники с произведениями без начал или концов? Это ведь не журналы, где месяц подождал — и будет окончание. От альманаха до альманаха не полгода, а то и по году проходит!

И действительно, стало правилом помещать в номерах не целиком все произведение того или иного автора, а лишь куски, не имеющие законченного характера. Так было с третьим, четвертым, пятым и шестым номерами альманаха «Волга». В них напечатаны начала и середины романов трех местных авторов, но ни в одном не дано конца.

Следует заметить, что названные романы, изданные отдельными книгами, нашли покупателя. Роман «Кровь земли» продан полностью. Расходится и роман «Фомичевы», вышедший в прошлом году.

Издание альманахов — дело безусловно нужное. Страницы альманахов должны служить школой мастерства для местных литераторов — и опытных, и начинающих. Но всякое дело следует делать с головой. Когда тиражи альманахов и сроки их выпуска определяются наугад, исходят не из реальных возможностей, а из торопливой жажды — абы что-нибудь как-нибудь напечатать, — ничего путного из этого не получается. К авторам не приходит слава, к издателям — доходы. Наоборот, все стороны — и авторы, и издатели, и, особенно, читатели — остаются в накладе.

Нам кажется, что и альманахи, и книги вообще следует издавать не столько для авторов, сколько для читателей.

Не забыли ли эту истину, например, в Ростове-на-Дону, когда в 1951 году под нажимом отделения Союза писателей, не посчитавшись с возражениями местного книготорга, выпустили сборник стихов одного ростовского поэта явно завышенным тиражом.

Не беремся судить в данной статье о достоинствах и недостатках этого сборника, содержащего в себе итоги двадцатилетней работы поэта. Отметим другое: более половины тиража и по сей день находится на складах и на полках магазинов среди «лежалой прозы и стихов». А тем временем и в Москве, и в Ростове выходят новые сборники того же поэта. Как же их реализовать?

Работники книготоргов этого не знают, а работники издательств об этом не думают, не беседуют с авторами на такие щекотливые темы, проявляя этим мнимое «уважение» к автору, а в действительности — равнодушие, незаинтересованность в его судьбе. Ведь обрекать автора на то, что часть завышенного тиража присоединится к «пыльным громадам»,— значит не уважать его, не заботиться о репутации писательского имени.

Бывает и так: издательство выпускает мед, а мед превращается в деготь.

Тульское областное издательство выпустило брошюру швеи-стахановки К. Елфимовой «Как я сэкономила 4.500 метров ткани». Тираж книги — 5.000, что намного превышает вообще число тульских швейников. Книжка лежит. Лежит в Туле, оставаясь втуне. Но ее нет ни в Калуге, ни в Ярославле, ни в других городах, где есть швейники и есть спрос. Продукция областных издательств, как правило, за пределами своей области хождения не имеет.

Даже в Москве нет специализированного книжного магазина, где продавались бы книги областных и краевых издательств.

БЕЛИНСКОГО И ГОГОЛЯ — В ХОРОШЕМ ИЗДАНИИ!

В Ивановской области возникли осложнения, непредвиденные работниками центральных книготоргующих организаций. Выявилась резкая нехватка... неграмотных и малограмотных. А потому учебники для школ неграмотных и малограмотных на общую сумму 114 тысяч рублей оказались не сбыточными.

Желая разгрузиться, ивановские книгопродавцы циркулярно оповестили области и края, что если где-либо ощущается недостаток в таких учебниках, они будут высланы из Иваново по первому требованию. Края и области не отозвались. У них у самих «нехватка» малограмотных. Так, например, Сталинградская область тоже непрочь направить такие учебники куда угодно, хоть в Иваново.

Тогда ивановцы воззвали к Союзкниготоргу: «Просим взять на учет излишек учебников для школ неграмотных и малограмотных...». Было это 28 мая 1952 года. Союзкниготорг не ответил ничего. А в апреле 1953 года в «бланке для заказов» № 38 Союзкниготорг предложил вниманию ивановцев новые издания тех же учебников, выпускаемые общим тиражом в 700 тысяч экземпляров.

— Неплохо работал. Благодарность имеет. Пригодился бы и в нашей системе!

Приходится предположить, что среди работников Союзкниготорга есть люди, которые не умеют читать. Вообще говоря, они, конечно, люди грамотные, но то, что им пишут с мест, они читать все же либо не умеют, либо не хотят...

Что означают сигналы об отсутствии неграмотных?

Отсутствие неграмотных означает, прежде всего, что нужны книги для читающих, для миллионов взрослых и миллионов детей. Все еще, несмотря на возросшие тиражи, остается неудовлетворенным огромный спрос на художественную литературу и, особенно, на книги для детей дошкольного и младшего школьного возраста. По этому поводу горькую обиду высказала директор центрального книжного магазина Сталинграда Зинаида Петровна Васина:

— Нам за день приходится говорить тысячу раз слово «нет» покупателям, у которых даже носа не видно из-за прилавка. Если бы вы знали, как жалко смотреть на них, когда они ни с чем уходят из магазина.

О нехватке детской литературы поступают сообщения столь же частые, сколь и настойчивые со всех концов страны. Но им не внемлют, потому что изучение читательского спроса как следует не налажено.

Надо бы знать руководителям Главиздата Министерства культуры СССР — в этом главке сосредоточено и издание и распространение книги в стране, — что в Донбассе, например, читатель требует и не получает среди других книг следующие, спрос на которые особенно велик: «Кобзарь» Шевченко, «Избранные произведения» Гоголя, Герцена, Горького, Гончарова, Добролюбова, Гарина-Михайловского, Короленко, Вересаева, «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, произведения советских писателей М. Шолохова, А. Твардовского, Б. Горбатова, М. Бубеннова, «Рожденные бурей» Н. Островского. Велик спрос и на произведения Шекспира, Байрона, Данте, Бальзака, Беранже, Вальтер-Скотта, Барбюса, Роллана, Флобера, Ожешко, Сенкевича, Пруса, Гашека, Чапека, Юлиуса Фучика.

Покупатели недоумевают, почему наши издательства почти совсем не дают таких книг, как «Книга о вкусной и здоровой пище», руководства по кройке и шитью, домашнему цветоводству, культуре лимона, голубеводству, бухгалтерии, авиамоделизму, утренней гимнастике.

Такова лишь часть неутоленных требований шахтеров и металлургов Донбасса.

В Куйбышеве, как нам сообщают, крайне нужны книги по электротехнике, машиностроению, методическая и школьная литература, литература в помощь молодым матерям. В продаже нет «Горя от ума» Грибоедова, отдельных изданий произведений Пушкина, Лермонтова.

В книжных магазинах Тулы покупатели спрашивают всевозможные справочники (справочник электромонтера, токаря, слесаря, шофера и т. д.), однотомники и двухтомники русских и иностранных классиков, научно-популярную литературу и опять-таки детские книги.

Не учитывают издатели и книгопродавцы также и растущие требования массового читателя к качеству оформления книги.

Удивительно ли, что книжки Курганского облиздата, отпечатанные на газетной бумаге, с плохими рисунками, с серой печатью, с обложками из оберточной бумаги и корешками на хлебном клею, привлекают внимание преимущественно складских мышей.

Даже неплохо изданные и дешевые книжки массовой серии художественной литературы Гослитиздата, как нам пишут из Тулы и Калинина, все меньше и меньше находят сбыт. Читателям не нравится оформление — нет переплета.

Да, вырос наш советский читатель. Выросла его культура. Выросло его благосостояние. Давно пришло то времечко, когда стала явью мечта Некрасова. Но и в городе и на селе читатель хочет понести с книжного базара Белинского и Гоголя в хорошем издании, на хорошей бумаге, в хорошем переплете.

* * *

Формы и методы работы книготоргующих организаций явно отстали от громадного роста материальной и духовной культуры, от запросов и требований советских людей.

Диву даешься, как не замечают всего того, о чем рассказано на этой странице, начальник Главиздата тов. Грачев и подчиненный ему начальник Союзкниготорга тов. Перешивайлов, председатель правления Центросоюза тов. Хохлов и его заместитель тов. Любимов, ведающий вопросами книжной торговли, а также руководители подведомственных им книготоргующих организаций, издательств и потребсоюзов.

Или, может быть, замечают, но свыклись?

Не наша задача — подробно разрабатывать комплекс мероприятий по продвижению книги в массы. Это должны сделать упомянутые выше организации и их руководители. И чем скорее, тем лучше!

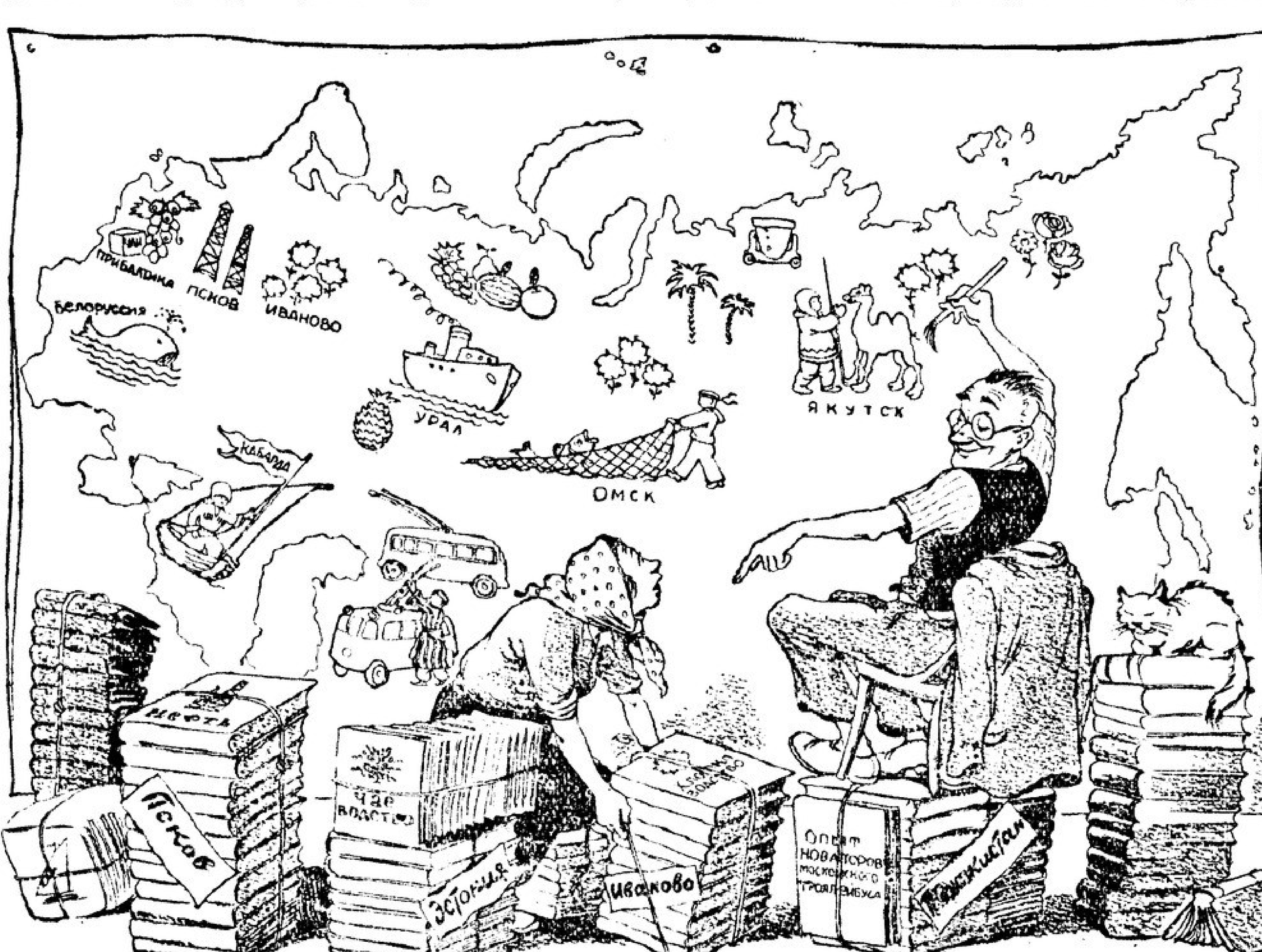
Мы же вносим лишь одно предложение: покончить с головотяпством в книжной торговле.

И тогда издательства будут по-деловому считаться с запросами трудящихся и прислушиваться к голосу работников книжной торговли. И тогда не будет напрасной траты денег и бумаги на издания, в которых нет нужды. И тогда исчезнут навсегда пыльные громады лежалых книг. И тогда хорошая книга быстрее попадет к тому, кому она пользу принесет, к тому, кто ее ждет,— к читателю.

В этом заинтересован весь наш народ.

РАЗГОВОР ВЕЛИ:

А. ЛАЦИС, П. ПОДЛЯШУК; К. АБАТУРОВ (Кострома), **М. АМШИНСКИЙ** (Тула), **Н. БОРИСОВ** (Куйбышев), **И. БУМАГИН** (Сталинабад), **П. ВОЛКОДАЕВ** (Минск), **А. ГАЛИНСКИЙ** (Киев), **Т. ГОНЧАРОВА** (Омск), **А. ГОРЮНОВ** (Великие Луки), **А. ГРАЧЕВ** (Сталинград), **Н. ДОРОФЕЕНКО** (Витебск), **В. ЕФИМКИН** (Горький), **В. ЕЛИСЕЕВА** (Рига), **В. ЗАБОЛОТСКИЙ** (Киров), **В. ЗОЛОТОВ** и **И. СЕГЕДА** (Калинин), **А. ИОНОВ** (Сталино), **А. КАФАНОВ** и **Б. ОСТАШКО** (Смоленск), **В. КОМОВ** (Орел), **А. ОТВОДНЫЙ** (Иваново), **А. ПИНЧУК** (Псков), **В. ПОНЕДЕЛЬНИК** (Ростов-на-Дону), **Л. САДОВСКИЙ** (Курган), **И. СИНИЦЫН** (Калуга), **Д. СНЕГИН** (Алма-Ата), **Я. СОЛОДЧЕНКО** (Станислав), **И. СТЕЦЕНКО** (Житомир), **П. СТЫРОВ** (Владимир), **Т. ТОМБЕРГ** (Таллин).

«Знатоки» географии за работой

Рисунки В. ФОМИЧЕВА

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. А. ТРЕНЕВА

ПЬЕСЫ К. ТРЕНЕВА НА СЦЕНЕ

Школа мастерства

Государственный драматический театр имени В. Кингисеппа впервые на эстонской сцене поставил «Любовь Яровую» К. Тренева — одно из классических произведений советской драматургии.

Постановка «Любови Яровой» — экзамен на творческую зрелость. Пьеса требует большого режиссерского опыта, умения проникнуть в глубины идейного существа произведения, требует высокого исполнительского мастерства, стройности актерского ансамбля.

Постановщик И. Таммур правильно понял, что по-настоящему решить тему Любови Яровой — тему прихода демократической интеллигенции в революцию—можно, прежде всего показав революционный народ, отдельных его представителей, которые личным примером помогают Яровой разобраться в сложной для нее обстановке, найти правильный выход из возникшего противоречия между личным чувством и общественным долгом. Народ, отстаивающий молодую Советскую республику от нашествия интервентов и белогвардейского отребья,—вот, по существу, главный герой спектакля.

Деловито, без паники выполняя стратегический план партии, оставляют революционные бойцы город; они уверены, что уходят «на самое кратчайшее время». Решительно и энергично разворачивает свою деятельность большевистское подполье, которым руководит комиссар Кошкин. Особенно хорошо это показано в сценах на городском бульваре. Мы видим, с какой настойчивостью и осторожностью подпольщики готовятся к решительному удару, как, используя все возможности и обстоятельства, они действуют, неутомимо и обдуманно действуют.

Мысль о единстве, неразрывной связи партии с народом особенно четко выражена в образе комиссара Кошкина (В. Ратассепп). Кошкин — человек из народа, долго живший в горькой недоле. Но партия указала ему новую дорогу, научила бороться за свое счастье, за счастье народа. И вот за эту единственную большую правду на земле Кошкин и вышел биться «не на живот, а на смерть». Какая жгучая обида на прошлую проклятую жизнь звучит в голосе В. Ратассеппа, когда на слова профессора Горностаева (Х. Лаур): «Товарищ комиссар просвещения, вы неграмотны...», он, вспыхнув, отвечает: «Как, неграмотный, когда я сам написал? Только не вполне твердо». С ненавистью говорит он электротехнику Колосову (О. Эскола) о той неправде, которая прячется в барских хоромах. С большой чуткостью и тактом Кошкин—Ратассепп, хорошо понимающий смысл внутренней борьбы, происходящей в душе у Яровой, поднимает в ней веру в себя, помогает выйти из этой борьбы победительницей. И глядя на этого вспыльчивого, резкого, но в то же время очень внимательного к людям человека, умеющего четко, без суеты решать важнейшие вопросы, выдвигаемые жизнью, быть непреклонным в выполнении директив партии,—зритель понимает, почему Кошкина так любят друзья, товарищи по борьбе и так боятся и ненавидят его враги революции.

Тем же горячим порывом к свету новой жизни, только порывом более непосредственным, одухотворен образ Шванди в исполнении И. Таммура. Партия, революция широко открыли глаза на мир этому простому деревенскому парню из Курской губернии. И Швандя как-то сразу ощутил свое законное место в революционной борьбе. Одаренная натура, каких на русской земле всегда были тысячи и тысячи,—сердцем понял Швандя великую идею освобождения пролетариата, безоговорочно поверил в нее, пошел за ней. И. Таммур показывает, что Швандя не хвастает, когда говорит, что он, мол, «упольне сознательный». Эти слова идут от большой внутренней убежденности, за ними стоит многое. «Семку ищи у белых, а Гришка должон быть тут», — дает он крестьянке Марье точный совет, когда выясняется, что у сына Семки было «пятьдесят четвертей пшеницы одной» да «два работника до Покрова», а сын Гришка «в людях служил». Швандя любит прихвастнуть, любит показать свою компетентность во всем, что касается вопросов «мирового масштаба», но за этим зритель видит у И. Таммура не позу, а неуемное стремление проникнуть в грандиозность, в удивительную красоту окружающего мира, который «контра» пытается у него отнять.

Выразительные, яркие краски, которыми нарисованы в спектакле Кошкин, Швандя и другие представители революционного народа, ничуть не отодвигают на второй план ни темы Любови Яровой, ни самого образа. Напротив, это помогает зрителю глубже понять сложность личной драмы, переживаемой Яровой, достойнее оценить ее слова, заключающие спектакль: «...я только с нынешнего дня верный товарищ».

Поначалу Яровая — А. Тальви кажется слишком лиричной, мягкой. Но вот от сцены к сцене развивается образ, и перед зрителем предстает духовный мир сильной, мужественной натуры. Яровая — Тальви не умеет любить наполовину. Полюбив Михаила и потеряв его, она всей душой отдалась тому делу, за которое, как она думала, он боролся. И ко времени внезапной встречи с мужем, оказавшимся в лагере белых, революционное сознание Любови одержало победу над ее чувством. Чувство это еще пытается тянуть ее назад, к прежнему отношению к мужу, которому она беззаветно верила. Но люди, годы, жизнь многому научили Яровую. «Мы уже не прежние: я сильна, ты жалок», — говорит она мужу. И это не фраза. Яровая в исполнении Тальви, действительно, женщина сильная. Она вырывает из сердца чувство, давшее червоточину. В этом поступке нет и тени надлома, ущербности — это сознательный и закономерный для нее шаг.

К сожалению, другая исполнительница Яровой — Э. Рауэр с самого начала спектакля декларирует полный и безоговорочный разрыв с Яровым. Это обедняет образ. Гораздо правильнее проводит Э. Рауэр сцену у школы, которая в ее исполнении является одной из лучших в спектакле. Увидев раскаяние Ярового, поверив этому раскаянию, Любовь, оставшись одна, долго молчит. И столько неизъяснимой радости в ее сияющих глазах, в счастливой улыбке, во всем существе, что даже предстоящая встреча с подпольщиками на мгновение отходит для нее на второй план. И по-человечески это очень понятно. Два года ждала, страдала — мысленно похоронила, а сердцем ждала, верила, что живой. Потом дождалась, да оказалось, не того,—чужого: предателем, подлецом пришел. Хотела было разрубить все, что связывало с ним. И вот оказалось, что рубить совсем не нужно. Он снова тот, которому верила, — свой, дорогой, близкий. Как тут не загореться глазам, как не прижать руки к груди, чтобы не выскочило наружу прыгающее от радости сердце.

Думается, что в процессе дальнейшей работы эта сцена может послужить Э. Рауэр ключом для более разностороннего раскрытия всего образа.

А. Эскола в роли поручика Ярового хорошо показывает фанатизм врага, ослепленного злобой, ненавидящего революцию.

С большой обличительной силой выписаны Треневым картины белогвардейского стана. И в спектакле очень четко ощущается та грань, которая разделяет защитников советской власти и ее врагов. Зритель видит всю пустоту белогвардейщины, ее внутреннее гниение, разложение. Честолюбие, эгоистический расчет, возможность легкой наживы — вот что движет и Кутовым (А. Суурорг), и Малининым (Л. Раяла), и всеми остальными «деятелями» контрреволюции. Циничная, нравственно опустошенная Панова (Л. Линдау) с понятной безысходностью раскрывает то, что все эти «деятели» чувствуют, но не решаются высказать: «...зря мечете банк, — говорит она Яровому, — когда карта давно бита».

И все-таки в показе белогвардейцев в спектакле есть немало ненастоящего, игрушечного. Опереточной в дурном смысле этого слова выглядит сцена бегства белых из города. Театрально нарочиты схватка белого патруля с подпольщиками (у школы) и конец сцены в кафе, когда из-за столиков, ни с того, ни с сего, вдруг выскакивают пьяные посетители и начинают отплясывать какой-то неестественный танец. Режиссеру здесь изменяет чувство меры, да и исполнители, что называется, «пережимают». В постановке такой реалистической пьесы, как «Любовь Яровая», все это выглядит особенно неуместно.

Нам кажется также, что спектакль перегружен музыкальными вставками; во многих местах музыка утяжеляет спектакль, мешает зрителю в перерывах между картинами сосредоточиться, осмыслить виденное.

Театр долго не прекращал работы над своей постановкой: от спектакля к спектаклю она росла. Это очень ценное качество, тем более, что работа театра над пьесой К. Тренева — его серьезная удача.

Л. ЮДАСИН

Возвращение к зрителю

В арсенале советской драматургии для детей есть пьеса, которая правдиво и интересно рассказывает о жизни дореволюционной школы. Эту пьесу — «Гимназисты» — выдающийся советский драматург Константин Тренев написал восемнадцать лет назад. До войны «Гимназистов» просмотрели десятки тысяч школьников во многих детских театрах страны. И странно, почему так медленно возвращается на сцену пьеса, которая, повествуя о прошлом, устремлена в наше сегодня, пробуждает в юных советских гражданах высокие чувства патриотической гордости за свою школу.

После многолетнего перерыва «Гимназисты» снова появились на сцене только в прошлом году. Почин сделал старейший в стране Ленинградский государственный театр юного зрителя. Спектакль ЛенТЮЗа убедительно показал, что пьеса выдержала проверку временем.

Недавно треневских «Гимназистов» поставил Московский театр юного зрителя.

Как и в «Любови Яровой», так и в «Гимназистах» К. Тренев стремительно начинает действие пьесы. Московский ТЮЗ сумел передать в спектакле эти качества треневской драматургии. Зритель сразу же ощущает атмосферу революционного предгрозья.

1905 год. Губернский город накануне рабочей забастовки. Бунтарский вихрь проник и в наглухо закупоренные стены мужской и женской гимназий. Кружок учащихся старших классов сблизился с революционным подпольем и протестует против оскорбляющего человеческое достоинство гимназического режима, против педагогической рутины. В центре борьбы стоят «кухаркин сын» Павел Воронин (арт. В. Шугаев) и дочь полунищего запуганного чиновника Ольга Черничкина (арт. Р. Виноградова). На них и обрушивается жестокая кара гимназического начальства. Павла и Ольгу, которых поддерживает молодой преподаватель Брагин (арт. П. Гарин), исключают из гимназии. Павел и Брагин вынуждены скрыться от ареста. Но искра зажжена, пламя вспыхнуло! И логическим завершением спектакля является финальная сцена, когда, поддерживая забастовавших рабочих, гимназисты по призыву Ольги: «Товарищи, на улицу!» — идут на демонстрацию... Режиссеру П. Цетнеровичу особенно удались опорные сцены спектакля, где участники гимназического кружка непосредственно сталкиваются с бездушным и перепуганным начальством, которое готово толкнуть своих питомцев даже на путь разврата, только бы увести их от «политики».

Характеры участников гимназического кружка раскрыты в спектакле убедительно и интересно. Живо и с большим юмором играет Н. Богатырев изобретательного, лукавого смельчака Жоржа Козлова. Зритель волнует, что вместе с ним в кружок проникли и чужаки—сын председателя судебной палаты, «романтический» предатель Виктор Югов (арт. В. Рождественский) и экзальтированная обывательница Дуся (арт. Н. Папе). Правдиво и остро рисуют Е. Васильев и Р. Быков отчаявшегося зубрилу Буценко и директорского соглядатая — благонравного гимназистика Пыжова.

Немало актерских удач и в исполнении «взрослых» ролей. Правдивый образ Черничкина — забитого «человека двадцатого числа», раболепствующего перед начальством, готового на любые унижения, только бы вывести в люди свою дочь Олю, создан одним из старейших деятелей советского театра для детей Н. Деревщиком. Прачка Воронина также мечтает о счастливом будущем сына Павла, но ни за что не пойдет на сделки со своей совестью. Это убедительно и искренно показывает исполнительница роли Ворониной М. Зорина. Колоритны фигуры гимназических «столпов». Особо хочется отметить талантливо решенную М. Колесниковым роль инспектора гимназии Адамова — злобного карьериста, патологически ненавидящего своих воспитанников.

Много хорошего в спектакле. И закономерен горячий отклик, который он находит у школьников столицы. Использованы ли, однако, полностью богатые возможности, заложенные в пьесе Тренева? Утвердительно ответить на этот вопрос — значило бы оказать театру медвежью услугу, согласиться на меньшее, чем может сделать этот талантливый коллектив. Театр должен углубленнее и многограннее раскрыть образы Брагина, Павла Воронина и Ольги Черничкиной, т. е. тех, кто является подлинными героями пьесы, кому отдает свои горячие симпатии зритель. Пока же на долю исполнителей этих ролей пришлись только частные удачи, такие, как, например, насыщенная подлинным драматизмом сцена встречи Ольги и Брагина в доме Черничкиных после покушения Ольги на самоубийство.

Почему это произошло? Потому ли, что драматург менее выразительно показал прогрессивный, передовой лагерь гимназической среды? Нет, на протяжении всей пьесы Брагин, Павел и Ольга активно действуют, борются, отстаивают свои убеждения. Их поступки двигают сюжет, их язык выразителен и красочен, их столкновения с враждебным лагерем остры и непримиримы. Беда в другом: в том внешне мелодраматическом «ключе», который определил исполнение этих ролей в спектакле. Из-за этого стерлись многие грани образов, измельчились характеры Павла, Ольги Черничкиной.

Задушевной мечтательностью, пламенной страстностью, житейским юмором наделил своих героев К. Тренев. Вызвать к жизни эти человеческие свойства — долг коллектива, идущего верными путями к созданию интересного спектакля.

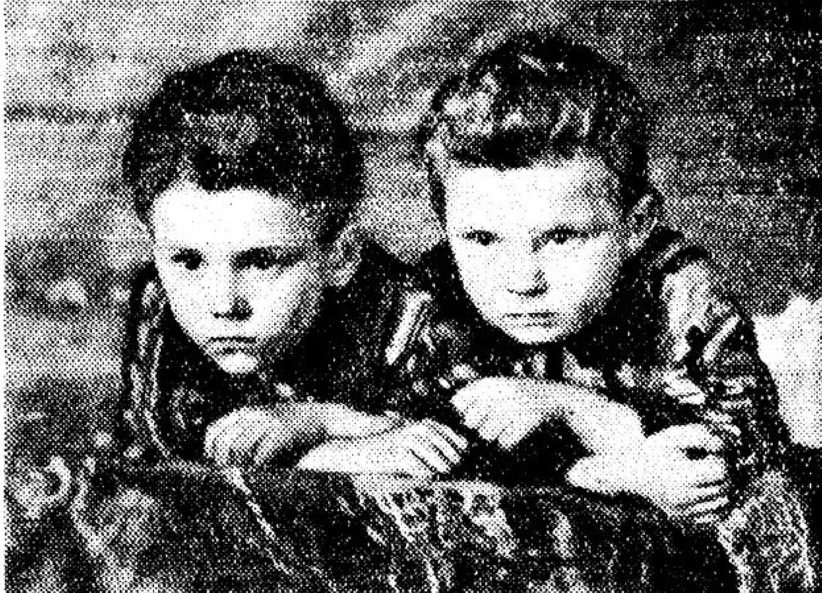
Юные зрители благодарны театру за возвращение «Гимназистов» на сцену. Длительным и прочным должно быть это возвращение. И не в одном только московском ТЮЗе — пьесу должны увидеть зрители и других детских театров страны.

Ц. СОЛОДАРЬ

„ЧУК И ГЕК"

Рассказ Аркадия Гайдара «Чук и Гек» открывается фразой, простой и в то же время торжественной:

«Жил человек в лесу возле Синих гор...»

Кадр из фильма

Так начинаются сказания, легенды, сказки. Но вслед за этим полулегендарным зачином идет рассказ о самых обыкновенных ребятишках — о Чуке и Геке, проводивших дни в непрерывных потасовках. Больно били они друг друга кулаками, но пуще всего боялись, что мама разведет по разным комнатам и разлучит их. Одна из драк кончилась плачевно — в ходе сражения полетела за окно телеграмма от отца, что жил возле Синих гор. Чук и Гек утаили это от мамы. И когда они втроем поехали к Синим горам, к папе, оказалось, что его нет, — вместе с экспедицией он ушел далеко в тайгу. Они живут в глухом лесу, в сторожке... Возвращением отца и заканчивается история о Чуке и Геке.

Когда читаешь рассказ, чувствуешь, что он написан человеком с душой поэта, написан в минуту радости и вдохновения, исполнен любви к родной огромной земле, раскинувшейся от Москвы до далеких Синих гор. Любовь эта открытая, веселая и чуть застенчивая. Она боится высокопарных фраз, но дает себя знать в каждом слове. Рассказ о Чуке и Геке начинается не с Чука и Гека, а с Синих гор, с описания Москвы — города, «лучше которого и нет на свете». А в последних строках автор говорит о счастье честно жить, о счастье трудиться и крепко любить землю, которая зовется Советской страной.

Светлый взгляд на мир проникает в каждый эпизод рассказа. Гайдар учит своих маленьких героев и читателей смелости, он как бы хочет сказать: в нашей стране ничего не надо бояться, бойтесь лишь одного— стать на путь неправды.

Гек забрался в чужое купе, и тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука на него глянуло сердитое усастое лицо какого-то дядьки. Но страшный дядя затем оказывается самым мирным и добродушным пассажиром.

В лесной избушке ребятам показался грубым и неприветливым старик-сторож. Но этот злой, неразговорчивый старик уходит на лыжах в далекий путь, чтобы сообщить начальнику экспедиции о том, что приехала его семья.

Так каждый раз рассеиваются ребячьи страхи, и снова жизнь улыбается героям.

Все эти эпизоды, происшествия, часто смешные, на первый взгляд даже не очень значительные, несут одну мысль — о том, что никогда не пропадет человек среди своих, советских людей, даже если этому человеку всего лишь несколько лет от роду.

Пожалуй, главное достоинство фильма в том, что автору сценария В. Шкловскому, постановщику И. Лукинскому, режиссеру М. Федоровой, артистам Н. Комиссарову, В. Васильевой, Д. Павлову, М. Трояновскому удалось воссоздать замечательную атмосферу гайдаровского рассказа. С первых же кадров в зале звучит и не затихает до самого конца смех — не потому только, что забавны проделки и приключения Чука и Гека, но потому, что все жизнерадостно, все весело в произведении Гайдара.

Очень хороши дети — Юра Чучунов и Андрюша Чиликин, исполняющие роли Чука и Гека. Когда смотришь на них, кажется, что, попав в студию, они быстро освоились и просто начали играть, как играют дома: Чук принялся мастерить кинжал из кухонного ножа, а Гек делает пику, до того крепкую, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь издох бы сразу.

Но у Гайдара дети не только ссорятся, мирятся, спорят, путешествуют. В двух маленьких неразлучных друзьях-драчунах ясно намечены черты несхожих, по-разному складывающихся характеров.

Чук куда более практичен, чем Гек. Он очень запаслив и в своей злополучной коробочке, которую Гек выкинул в окно, хранил немало ценных вещей — от конфетных оберток до галчиных перьев. «У Гека, — пишет Гайдар, — такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни».

В поезде Чук сразу же засыпает, а Гек не может уснуть, глядит сквозь снежное узорное стекло, видит огромную луну, и вот уже чудится ему, что поезд мчится по высоким горам,—оттуда до луны ближе.

Это различие характеров Чука и Гека, к сожалению, сглажено в картине. Некоторые происшествия, случившиеся с Геком, довольно живо иллюстрируют рассказ, но в них утрачена важная черта Гека — многое представляется ему в фантастическом свете, он любит сочинять, выдумывать, складывать стихи, петь песни. И не случайно, передавая сны Гека, Гайдар переходит на стихи.

А в фильме, когда все герои собираются на встречу Нового года, отец предлагает Геку спеть песню, и Гек поет,—это выглядит даже несколько неожиданно, как вставной вокальный номер.

Рассказ Гайдара поучителен, но мораль лишена той тяжелой псевдопедагогической назидательности, которая всегда приводит к обратному результату, вызывает у ребенка чувство душевного противодействия. В конце рассказа писатель не счел нужным говорить о том, что Чук и Гек осознали свою вину, дали обещание никогда больше ничего не утаивать от родителей, впредь телеграмм не терять и т. д. и т. п. Читателю и без того ясно, что все пережитое мальчиками оставило в их душе глубокий след.

Авторы фильма сочли необходимым поставить все точки над «i», точно сформулировать в конце моральный вывод. Чук и Гек торжественно обещают отцу никогда не повторять того, что случилось с телеграммой. Эта концовка выпадает из стиля произведения, нарушает ту хорошую непринужденность, естественность, с какой раскрывается замысел в рассказе и в картине.

Действие фильма развертывается на фоне суровой северной природы, высоких гор, густого леса, снега, на котором отпечатались причудливые следы незнакомых зверей и птиц. Эти кадры, умело снятые оператором Г. Гарибяном, — не самостоятельные «пейзажи», они пронизаны духом этого поэтического фильма.

«Чук и Гек» — веселая, увлекательная картина, ее с интересом смотрят наши зрители — большие и маленькие.

З. ПАПЕРНЫЙ

ВЕЧЕР В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

Вчера в Центральном Доме литераторов состоялся вечер, посвященный 75-летию со дня рождения К. А. Тренева. Вечер открыл Б. Лавренев. Е. Сурков в своем докладе охарактеризовал проникнутое светлым оптимизмом, патриотическое творчество К. А. Тренева.

Затем состоялся концерт, в котором артисты московских театров исполнили отрывки из его пьес: «На берегу Невы», «Любовь Яровая», «Полководец» и «Гимназисты».

В зале открыта выставка произведений К. А. Тренева, изданных на русском и иностранных языках. На стендах представлены многочисленные фотографии сцен из пьес драматурга.

Александр ДРОЗДОВ

Накануне

1. Радостно следить за работой Олеся Гончара в литературе. Казалось, давно ли, демобилизованный из армии, он впервые сел к столу, чтобы по горячему следу событий рассказать о воинском подвиге народа? Именно в те дни, залитые светом Победы, появилась первая часть «Знаменосцев», произведения большого идейного воздействия. «Знаменосцы», написанные молодо, а местами незрело, в то же время говорили о том, что в литературу пришел самостоятельный и многообещающий талант. Эти надежды сбылись. Новые произведения Гончара, а особенно лирическая повесть «Микита Братусь», признаны как достижения не только творчески сложившегося писателя, но и всей нашей художественной прозы.

Сейчас вышел новый небольшой томик— роман «Таврия», помеченный 1952 годом. По свидетельству украинской печати, он является началом серии романов, посвященных созидательному труду украинского народа. События в романе развертываются в канун первой мировой войны: еще свежа в памяти народа трагедия на Лене, в индустриальных центрах империи назревают революционные выступления рабочих...

Гончар описывает милую его сердцу Украину, Полтавщину, село Кринички. Каждую весну отправлялась криничанская голота на заработки. Нищая из поколения в поколение, криничане тянулись на юг, поскольку земля в руках кулака и помещика все больше становилась товаром, «машиной для выколачивания деньги», а у бедноты только и было товару, что сила их мышц. Классовое расслоение крестьянства создавало обширный, неисчерпаемый по людским ресурсам внутренний рынок для капитализма.

Данько и Вустя Яреськи, Цымбал, Ганна Лавренко собираются в путь-дорогу. Издали манит их Каховка — ярмарка батрацкого труда, на которой в этом году, по слухам, «за человека дают то, чего он стоит». Каховка — ярмарка историческая. О ней упоминает Ленин («Развитие капитализма в России»), как о рабочем рынке, где в свое время собиралось до 40.000 крестьян, продающих свой труд. Батрацкая ярмарка — один из действительно замечательных эпизодов в романе как по художественным достоинствам, так и по остроте анализа экономических отношений в крестьянстве. Картина ярмарки дает ключ к пониманию того, как определялось отношение Данька к окружающему его миру.

Тысячи батраков раскинули свои шатры у Днепра. Идет яростный торг. Но характер торга стал уже иным, чем он был при отцах и дедах. Ленин в названной работе цитирует статью из «Сельского вестника» (1890 г.): «Один хозяин рассказывал, что, приехавши на базар нанимать рабочих... он стал ходить между их рядами и палкой ощупывать их котомки (sic!): у которого хлеб есть, то с теми рабочими и не разговаривает, а уходит с базара» и ждет, пока «не окажутся на базаре пустые котомки». В 1914 году уже другие порядки. Робко, но все чаще сельский пролетариат начинает перенимать у городского пролетариата его формы экономической борьбы. Атаманы артелей собираются на совет, чтобы сообща установить предельный уровень цен на батрацкие руки.

Данько вместе со своим дружком Валериком бродит по ярмарке. Что ни человек тут, то своя история жизни, вернее — история нужды, притеснений, беззакония и затаенных надежд на то, что повторятся народные восстания пятого года. Валерик— одногодок Данька, а у него уже сложилась своя история: в земской сельскохозяйственной школе, под влиянием передовых учителей, он принимал участие в «политике»; начальство дозналось, и Валерик вылетел с волчьим билетом. В мальчиках живет естественная радость бытия, но действительность не устает обнажать перед ними свои страшные язвы.

Нельзя не запомнить сильной, сжато написанной сцены: на солнцепеке, возле умирающей матери, сидит девочка. Стуча зубами, мать окликает прохожих:

«Она у меня такая работящая, — нежно расхваливала она девочку. — Пасти скот, за детьми ли смотреть, заплатку ли поставить, — все умеет... Не смотрите, что она такая худенькая и будто слабая... Она у меня шустрая, послушная, наймите, люди добрые...

И падала в изнеможении, а через минуту снова силилась подняться».

Казалось, и камень мог бы услышать эту материнскую предсмертную мольбу! — восклицает автор. Но мальчики бессильны. Что делать? Ничего не могут сделать ни они, ни их старшие братья. Толпы батраков, кое-как поладив с гаркушами, разбредутся по экономиям и поместьям, а у Днепра останутся свежевырытые могильные холмы.

Криничане попадают в «Асканию-Нова». Владелица пахотных земель и пастбищ имения, роскошного парка, диковинных зверей, сельскохозяйственных заграничных орудий — немка Софья Фальцфейн. Ей наследуют сынки: полоумный Густав и хитроумный Вольдемар, прикидывающийся либералом, чтобы руками приказчиков и управителей выколачивать из батраков больше, чем это делала Софья собственными барскими руками. Вывереннная потогонная система, труд до обморока и болезни ждут Данька у входа в этот царственный оазис посреди безводной степи.

В тисках капитализированного хозяйства, в непосильном труде мог бы сломиться юный герой Гончара. Сколько самородков из народа гибло в самодержавной России!

2. Данько не погиб потому, что в народе уже нарождались и действовали люди будущего, потому, что во главе революционного пролетариата стоял Ленин, потому, что трудовой народ уже имел опыт пятого года, баррикады Пресни и пожары крестьянских восстаний. Реакция не убила сознание масс. Наряду с гнетущими впечатлениями, порожденными произволом, на душу Данька, на душу Ганны, Цымбала, Яши ложатся впечатления, рожденные подъемом народного движения. Тронулась река народного гнева. Отчаяние и надежда стояли рядом, и надежда побеждала, переходя у батраков в сознание собственной силы. В буре социальных противоречий формируется характер героев «Таврии».

На ярмарке Данько становится свидетелем сцены, разбудившей его сознание. Казаки арестовывают на паруснике правдистку. Вырываясь из их рук, она кричит сгрудившейся на берегу толпе: «На весь народ наш они хотят надеть намордники! Но не выйдет! Не удастся! Вас много, вы— сила!» Эта идейно-ключевая сцена, данная через восприятие восторженного и потрясенного мальчика, у Гончара, к сожалению, слишком аффектирована: ночь, плещущие паруса, пылающие костры, свалка с жандармами при свете факелов...

В «Аскании-Нова» Данько сталкивается с людьми разных судеб и устремлений. Одни из них — народные самородки, вроде землемера Баклагова; ярче, и шире, и вдохновенней написан Гончаром портрет садовода Мурашка, выносившего идею научного освоения степей в убеждении, что земля рано или поздно будет принадлежать народу. Полный энтузиазма и веры, старик пытается заинтересовать своим проектом местных землевладельцев. Тщетно. Не колеблясь, он едет в Петербург. И тоже терпит поражение. И не сдается. Образ Мурашка, олицетворяющий в романе могучие творческие возможности народа, делает ясным для читателя, на какую силу народного гения опиралась партия коммунистов, создавшая государство Советов.

Данько встречает людей и другого склада, знающих верные пути к высвобождению неисчерпаемых народных сил. Это моряк Бронников, посланный партией на подпольную работу среди крестьян, и большевик механик Привалов. Подпольная работа коммунистов приносит свои плоды. Заробитчане объявляют стачку. Над башней водокачки поднимается красное знамя — впервые в этих степях после пятого года. Прикрыв глаза ладонью, смотрит на знамя старый чабан Атагас, смотрят Ганна, Вустя, толпы батраков, рассеянных по всем угодьям «Аскании-Нова». Его видит Данько. В крестьянском хлопчике, воспринимающем мир со всем пылом чистосердечной натуры, рождается человек будущего.

3. В своем понимании народности литературы О. Гончар опирается на принципы Гоголя и Горького, они главные его наставники. Гончару кровно близка мысль Гоголя: поэт, описывая даже сторонний мир, глядит на него глазами всего народа, так что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами. Горький, рассматривая вопросы искусства с марксистско-ленинских позиций, настойчиво внушал, что основным организатором культуры является труд масс. Те произведения народны, которые, отражая человека в труде, воспитывают в народе его революционное правосознание. Легко видеть, как творческое освоение этих заветов отражено в идейно-художественном строе «Таврии». Что же касается слога, то Гоголь Гончару ближе. Держась гоголевской терминологии, «замашка» речи Гончара воспитана поэтикой «Тараса Бульбы», «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Роман открывается и заканчивается картиной степи, над которой проносится черная буря. Буря — слепая стихия, обуздать которую призван народ. Понимая шире, буря — социально-политический произвол, который не может не пасть по воле восставшего народа.

Маленькая цитата (по-украински) даст представление о поэтическом мастерстве Гончара, о музыке его слова:

«Ще азовське жіноцтво оплакувало своїх загиблих чоловіків-рибалок, ще закінтюжені чабани розшукували в степах свої розметені бурею отари,—а всіма шляхами по свіжих слідах урагану, як чорні його яничари, вже неслися в напрямі на Каховку численні, по-ярмарковому одягнуті наймачі з поміщицьких економій та столипінських хуторів. З видзвоном вилітали на виметені тракти граціозні таврійські тачанки, розмальовані ради свята в червоні яблука по чорному лаку. Як на свято, як на здобич, поспішала звідусіль у Каховку назустріч степова хижачня».

Романтическое изображение Данька, Мурашка, Ганны, Яши сменяется в романе сатирическим описанием, порой гротесковым и едким, господ Фальцфейнов и их окружения. При этом Гончар счастливо достигает художественного равновесия: поэтическое преувеличение типического в положительных героях и явлениях оправданно сочетается с сатирическим преувеличением типического в отрицательных героях, в отрицательных явлениях. Только Софья Фальцфейн выпадает из ряда достоверных фигур. Мы видим елейное ханжество ее, кичливость, разгул, тщеславие. Между тем, главное, что должно быть вскрыто в образе Софьи,— колонизатор, хищница, эксплуататор. Но этого-то и нет. К тому же Гончар в ряде мест передает красоту заповедной степи, очарование южной Украины через восприятие этой полуразвалившейся старухи, тем самым озаряя образ Софьи вовсе не заслуженным ею романтическим светом.

* * *

Не удались Гончару образы коммунистов. И это наносит большой ущерб роману.

Нам кажется, это случилось потому, что писатель, определив точное место в романе для правдистки, для Привалова и Бронникова, не нашел специфических, ему одному присущих средств выражения их революционного «естества», таких средств, чтобы они не выпадали из общего поэтического строя романа, но вместе с тем несли бы особую романтичность образов, не сходную с романтичностью Данька или Мурашка, ибо коммунисты — это люди **особого склада**. Ни морские походы Бронникова в прошлом, ни тельняшка на его груди в настоящем не могут, понятно, раскрыть «особого склада» коммуниста, ведущего подпольную работу среди заробитчан. А раз этот склад писателем творчески не освоен, не выношен, то и средства художественного выражения не нашлись. Автор оставляет образы Бронникова и Привалова недовершенными. Они остаются **вне** действия, **вне** читательского восприятия именно потому, что написаны сухой кистью.

Поэтому и батрацкая стачка, возникшая из-за «режима воды», воспринимается так, будто она возникла стихийно, да и повод к ней, в сравнении с разоблачительным материалом романа, мелковат: ведь то были месяцы грандиозных стачек питерского пролетариата, волнений в разных концах России, гул которых не мог не докатиться до «Аскании-Нова», тем более, что в гнезде Фальцфейнов действовали большевики. За стачкой из-за «режима воды» Гончар не дал почувствовать, что рабочий люд уже расшатывал самые устои самодержавия, что пройдет немного лет, и в тех самых степях, где бушуют черные бури, в Херсонщине, в Николаевщине, у Перекопа разгорятся открытые классовые битвы, закипит гражданская война.

О. Гончару предстоят еще упорные творческие поиски. И его возросшее мастерство в обращении с красноречивым словом служит порукой тому, что в свое время «Таврия» явится перед читателем не только как яркая книга с отдельными «белыми пятнами», но как книга идейно и художественно цельная.

Олесь Гончар. «Таврия». Радянський письменник. 1952 г. Перевод с украинского Л. Вышеславского, Р. Скоморовского и Н. Строковского.

КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ СЕГОДНЯ!

Этот выразительный фотоснимок, ярко иллюстрирующий режим полицейской дубинки, установленный в Западной Германии, был опубликован в немецком демократическом журнале «Нейе берлинер иллюстрирте». На фотографии изображена сцена жестокой расправы с мирными демонстрантами, учиненной западногерманской полицией.

«Вот как это выглядит сегодня! Полицейские (взгляните на их озверевшие физиономии!) избивают дубинками немецких патриотов, протестующих против милитаристской политики Аденауэра», — пишет журнал.

Зверские физиономии аденауэровских молодчиков действительно заслуживают того, чтобы на них внимательно взглянули. Журнал увеличил лица четырех полицейских, участвовавших в расправе, и поместил эти фото отдельно, в овалах. Внизу слева — фельдфебель, командующий избиением демонстрантов; остальные трое — полицейские, действующие дубинками. Эти четыре оскаленных лица — портрет возрождающегося в Западной Германии фашизма!

Мария ПУЙМАНОВА

Вдохновение

Чехословацкая общественность в эти дни отмечает шестидесятилетие со дня рождения выдающейся писательницы Марии Пуймановой.

Книги Марии Пуймановой хорошо знают и любят не только читатели Чехословакии,— ее произведения «Люди на перепутьи» и «Игра с огнем», представляющие собой первые две части трилогии, широко популярны в Советском Союзе.

Недавно в Чехословакии вышла третья часть трилогии «Жизнь против смерти», за которую Мария Пуйманова удостоена Государственной премии.

Мы публикуем ниже с незначительными сокращениями рассказ писательницы о своей работе над романом «Жизнь против смерти».

Роман «Жизнь против смерти» я писала с любовью и волнением. В прежние времена, когда писатель брал для своего произведения вымышленный сюжет и не справлялся с ним, его неудача была, в конце концов, его личным делом.

Но в основу моей книги положены исторические события: период кажущегося сейчас невероятным «протектората»; тайное и открытое сопротивление всего народа оккупантам; огромная моральная роль коммунистической партии в этой борьбе; победоносная борьба Советского Союза, этой страны жизни, против нацистской смерти, и невыразимое счастье свободы, которую принес нам приход Советской Армии. Все это — не только мои личные воспоминания, все это хранится в памяти всего нашего народа, принадлежит всем. И я чувствовала, что обращаться с этими воспоминаниями нужно бережно, как со святыней.

Три книги постоянно сопровождали меня в работе над «Жизнью против смерти». Это «Десять лет» Клемента Готвальда, книга Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и «Репортаж с петлей на шее» Фучика. Моральная сила, которая скрыта в них, пронизывает и действие моего романа.

Подлинное вдохновение мне дало пребывание в Советском Союзе осенью 1948 года. После работы над романом «Игра с огнем» мне было необходимо подышать советским воздухом, познакомиться с атмосферой героической страны и осмотреть поля сражений, где бился Ондрей Урбан из «Людей на перепутьи». Советские писатели знали об этом: они помогли мне, пригласив к себе, и дали мне таким образом возможность написать «Жизнь против смерти».

Это было вдохновляющее путешествие, которое нельзя забыть, — особенно тому, кто видел Советский Союз в последний раз до этого в тридцать втором году, в дни первой пятилетки.

Как выросла Москва за это время, как похорошела, несмотря на все военные невзгоды!

Меня тронул Киев с разбитым Крещатиком и разрушенной Киево-Печерской лаврой, самым старинным памятником славянства. Окрестности Киева, где сражались также и воины чехословацкого корпуса, места, где они переправились через Днепр и укрепились в лесу, произвели на меня особенно сильное впечатление в дождливый осенний день. В этой поездке по местам боев под Киевом нас сопровождал адъютант генерала Ватутина. Он рассказывал и объяснял мне все, как знающий подробности специалист, с сердечной человеческой добротой, которую мы видели еще у освободителей Праги.

Я не забуду волшебный полет над Кавказом—с одной стороны море, с другой — горы, не забуду Тбилиси и Гори, где мы ходили по сталинским местам. Неизгладимое впечатление оставил ботанический сад на Зеленом мысе у Черного моря, под Батуми. Грузия меня очаровала; я пыталась воплотить ее красоту и ее советский патриотизм в образе девушки Кето, любимой Ондрея.

Перед тем как начать писать, я много расспрашивала и внимательно слушала. Врач Зденка Недвелова, Густа Фучикова и Елена Лефлерова, молодая женщина из Лидиц, ныне депутат Национального собрания, рассказали мне о концентрационном лагере в Равенсбрюке. Это было нелегко для них, они приносили жертву, касаясь едва заживших ран. В их рассказах я находила будущие эпизоды романа, с близкими действительности, обыденными деталями, полными чувства. Лефлерова упомянула, что в тот вечер, когда в Лидицы пришли немецкие солдаты, она вместе с мужем покрывала лаком мебель. Не знаю почему, но это потрясло меня гораздо больше, чем если бы она бесконечно проклинала лидицких убийц. Врач Зденка Недвелова описывала мне со студенческим задором и юмором, как она с одной заключенной обманула нацистского врача Трайта и выручила французскую коммунистку. Она рассказала это, как школьное приключение; и геройская отвага коммунистки, примирившейся с тем, что она умрет, но твердо решившей не сдаваться, возникала сама собой из всего этого.

Сколько добрых и отзывчивых людей помогало мне в моей работе! Благодарю их от всего сердца. Подполковник Михаль Штемр, автор книжки «Герой не умирает», прекрасно и сердечно рассказывал мне свои приключения рядового солдата чехословацкого корпуса в СССР, и как он встретился с Готвальдом в Бузулуке; товарищ Веселы из Института истории Коммунистической партии Чехословакии настойчиво убеждал меня обращаться к нему с вопросами, когда мне угодно; товарищи из Министерства легкой промышленности ознакомили меня с производством шелка и рационализаторским предложением Ондрея; старый друг архитектор Зденек Кейрш помогал моему Скршиванеку взорвать нацистский поезд, который проезжал через Улы.

Но самыми приятными были беседы с рабочими. Председатели заводских клубов «Соколова», «Сталинграда», «Моторлета», «Авие» и «Явы» созвали участников пражского восстания, чтобы я могла послушать их рассказы. Рабочие рассказывали об опасных делах с юмором, чтобы никто не подумал, что они, может быть, хотят похвастаться и выдать себя за героев (которыми они действительно и были). Но дело не в устных заявлениях. Речь идет не столько о том, что они рассказывали, сколько о том, как это рассказывалось. Каждый характеризовал сам себя своей манерой повествования. Рабочие описывали, как они наскоро построили танки, которыми нельзя даже было управлять, и как с их помощью нагоняли страх на нацистов. Они рассказывали, как горсточка рабочих захватила бронепоезд и аэродром; и в их веселом наглядном рассказе без громких слов проглядывали здоровый дух чешского народа, его оптимизм. Оптимизм чешского человека состоит не в том, что он постоянно рисует себе великолепные перспективы в будущем. Чешский человек часто ворчит, бранится и шутит. Но когда начинается серьезное дело, он без красивых жестов честно доводит его до конца.

Роман «Жизнь против смерти», хотя и самостоятельное целое, в то же время связан со всей трилогией. Нужно было решить судьбы всех «людей на перепутьи», и часто я вынуждена была писать в сжатой драматической манере и в остром стиле, так как хотела овладеть всеми типическими моментами жизни «протектората». Трудности изображения недавнего исторического прошлого заключались в следующем: надо было показать события, которые мы тогда пережили, в свете сегодняшнего понимания и опыта и все-таки не нарушить таинственность только еще создающегося будущего. Другими словами, романист не имеет права притти, как говорится, на готовое. Он не может работать в уже определившейся обстановке; он должен пробиваться, продираться и пробиться со своими героями к правде в ходе самых напряженных событий. Материал был обширный и грозил задавить меня своим грузом. Но любовь к родине освещала мне путь, мою работу.

Привратник рая

НОВЕЛЛА НА ТЕМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Достопочтенный падре из прихода одной альпийской деревушки славился своей воинственностью по всей этой чудесной долине, ведущей во Францию. Но в это воскресное утро, когда солнце уже щедро поливало своими лучами землю, а воздух еще был свеж, он превзошел самого себя: вместо обычных десяти минут он говорил свыше часа. И все для того, чтобы помешать мне выступить перед жителями на митинге. Дело было в самый разгар избирательной кампании.

Наконец, благословив своих терпеливых слушателей и пожелав им не задерживаться и не внимать словам «продавшегося Москве коммунистического оратора, врага семьи, родины и религии», красноречивый падре сошел с кафедры. Прихожане вышли из церкви на залитую солнцем площадь. Было уже около полудня, и воинственный служитель господа бога полагал, что горцы вняв скорее голосу желудка, чем его наставлениям, откажутся выслушать меня.

Но вышло иначе: ни один человек не ушел. Я начал свою речь, стараясь говорить кратко и просто. И примерно за полчаса сказал все, что хотел. Тут же попросил слова падре и слово в слово начал повторять то, что все уже слышали в церкви. (Я, сидя на солнышке, слышал всю его проповедь, так как дверь церковки была открыта.) Он вновь принялся угощать народ нелепыми выдумками о России, о Китае, о Тольятти и, наконец, умолк, дойдя как раз до положения в Италии, с чего, казалось бы, ему и следовало начать свою речь.

Было ясно, что оратор хотел утомить аудиторию и помешать мне возразить.

Неожиданно я прервал его.

— Достопочтенный отец,—сказал я,— вы знаете так много, но держу пари, что вы не знаете, кто был привратником рая до святого Петра.

— При чем тут привратник рая?

— Вы сами вот уже больше часа говорите о вещах, не имеющих ни малейшей связи с выборами, кризисом, нищетой, безработицей, подготовкой войны, засильем чужеземцев в Италии. Итак, признайтесь же перед публикой, что вы не знаете, кто был привратником рая...

— Это не относится к делу! — повторил падре.

— Вы не знаете, признайтесь прямо... Смотрите, — обратился я к публике, — он не знает.

Прихожане смеялись, видя, как растерялся их священник. Наконец, совсем выйдя из себя, он закричал:

— Я отказываюсь отвечать, потому...

— Потому что не знаете...

Раздался взрыв хохота. Под смех аудитории падре спустился с трибуны, роль которой исполнял стол.

Так оказались развеяны все глупости и небылицы, которые наговорил поп. Сам он скрылся в церкви. Было уже больше двух часов (в Италии обедают в полдень), когда я, несколько раз тщетно попытавшись вновь пригласить священника принять участие в дискуссии, наконец закрыл митинг. На горцев произвело сильное впечатление то, что их падре не сумел ответить коммунисту на вопрос из области религии. Они обсуждали этот факт в выражениях, не слишком лестных для священника.

— А кто же действительно был привратником рая до святого Петра? — спросил меня один из жителей деревни.

— Я не знаю, — отвечал я, — но священник-то должен был это знать...

— Правильно! — подтвердил горец.

Рис. Бор. Ефимова

Джованни ДЖЕРМАНЕТТО

ВОКРУГ ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА ЖЕНЩИН

Письма из Италии

В эти дни в Копенгагене, где происходит Всемирный конгресс женщин, собрались представительницы женского населения большинства стран земного шара. Одна за другой поднимаются на трибуну конгресса делегатки капиталистических государств и их колоний, чтобы рассказать о нелегкой жизни и повседневных заботах женщин-тружениц, жен, матерей, чтобы поделиться опытом борьбы за демократические права и мир.

Мы публикуем сегодня письма двух итальянок — домохозяйки Марии ди Роберто и работницы Анны Ансельмо. Эти письма были адресованы съезду итальянских женщин, происходившему в апреле текущего года. Оба эти человеческих документа выразительно свидетельствуют о том, в каких трудных условиях итальянские женщины вместе со всеми прогрессивными силами Италии отстаивают от происков врагов мира демократические права.

НА ЗАВОДАХ «ФИАТ»

Я работница одного из заводов фирмы «Фиат»; тридцать лет своей жизни отдала этому огромному предприятию. Я никогда не имела замечаний за недисциплинированность. И все же теперь меня всячески преследуют, часто штрафуют. Недавно меня даже судили за то, что я выступала за участие женщин в Комитете защиты мира!

Слово «мир» пугает предпринимателей «Фиат». Сейчас заводы «Фиат» являются центром антинародной реакции: у нас уничтожаются все остатки демократических свобод. Члены заводских профсоюзных комитетов не имеют права вступать в переговоры с предпринимателями без специального разрешения. Это разрешение дается только после того, как администрация ознакомится с докладом * комитета и одобрит его. Если же в докладе что-либо не понравится администрации «Фиат», членов заводского комитета могут попросту уволить, как это случилось недавно с одним рабочим завода «Гранди Мотори». Нас контролируют самыми различными способами. Учреждена даже специальная служба для наблюдения за каждым нашим движением. За мной и моими подругами следят агенты в форме и в штатском. Эти агенты должны мешать рабочим вести профсоюзную борьбу. Я уж не говорю о сверхэксплуатации, осуществляемой ежедневно в различных формах. Мы вынуждены производить операции с невероятной быстротой, особенно на конвейере. Это приводит к увеличению числа несчастных случаев. За два с половиной года зарегистрировано 56.489 несчастных случаев, из которых 214 повлекли за собой смерть.

Но женщины Турина обязуются сделать все возможное, чтобы противодействовать притеснениям. Очень хорошо сказали жены рабочих на конгрессе женщин Турина. «Мы всегда будем бороться вместе с вами».

Анна АНСЕЛЬМО,
работница

ТУРИН

* В эти доклады заводские комитеты включают свои требования и предложения к администрации. — **Ред.**

В НАШЕМ НЕАПОЛЕ...

Я простая женщина, домохозяйка, мать четверых детей, оставшаяся вдовой. Я знаю, какова жизнь в доме, где нет отца, нет работы и всегда кто-нибудь болен. В нашем Неаполе безработица — всеобщее бедствие. Печать этого бедствия лежит на лицах матерей, отправляющихся по утрам на рынок за покупками. В уме мы подсчитываем сумму, которой мы располагаем, и каждый раз убеждаемся, что денег не хватает. Мы знаем, что такое нищета, когда утром нет куска хлеба для детей.

Среди нас есть жены безработных, которые хотели бы послать детей в школу. Но они не могут этого сделать, потому что, если бы школа даже и была бесплатной, у них нет денег на покупку тетрадей.

Мы видим по утрам женщин, которые наказывают своих детей только за то, что они просят 5 лир «на конфеты». Но тяжелее всего, когда дети заболевают: у нас в Италии нет таких организаций, которые бы помогали беднякам. Мы должны бороться для того, чтобы покончить с этим.

Сегодня женщины Неаполя уже не те, что были вчера; они борются за свое будущее, они научились вести борьбу, невзирая ни на какие опасности. Так в борьбе против увольнений на «Ансальдо» мы, женщины, были рядом с мужчинами, помогали им защищать свое право на хлеб.

Мы, женщины, проявили свою сплоченность в борьбе против мошеннического избирательного закона. Теперь мы должны быть еще сплоченнее. Мы должны обойти все дома, всех женщин, чтобы наши ряды росли с каждым днем.

Мария ди РОБЕРТО,
домашняя хозяйка

НЕАПОЛЬ

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Японская газета «Ниппон таймс» в № 19423 за этот год поместила заметку под заголовком: **«Продавцам земляных орехов нужна новая оберточная бумага в связи с прекращением издания информационного бюллетеня США».**

Nippon Times

Peanut Sellers Need New Wrappers as U.S. Info. Bulletin Folds

Kyodo-UP

JAKARTA, Mar. 17—The United States Information Service decision to discontinue its Daily News Bulletin Indonesia has been given apparent silent approval by the country's newspapers today. Only one newspaper in Indonesia noted the final publication of the USIS bulletin this week following the local American Government officials decision to cease publishing the daily newssheet. The Jakarta Daily Indonesia Raya observed briefly, "peanut sellers will be compelled to look for other paper to wrap their

Приводим текст заметки:

«Агентство Киодо — Юнайтед Пресс.

ДЖАКАРТА, 17 марта.— Решение информационной службы США прекратить выпуск ежедневного информационного бюллетеня для Индонезии было встречено сегодня явным молчаливым одобрением со стороны местных газет. Только одна газета в Индонезии отметила выход последнего номера информационного бюллетеня США на этой неделе, после того как местные представители американского правительства приняли решение о прекращении этого издания. Газета «Джакарта дейли Индонизиа райя» коротко заметила: «Продавцам земляных орехов придется подыскать другую оберточную бумагу для своих орехов».

Комментарии излишни!

Джозеф СТАРОБИН

ГДЕ-ТО ВО ВЬЕТНАМЕ...

2. Школа в лесу

Сегодня мы публикуем очередной очерк корреспондента американской газеты «Дейли уоркер» Джозефа Старобина «Школа в лесу» из серии очерков, написанных им где-то во Вьетнаме.

Среди трехсот студентов, проходивших в течение трех зимних месяцев курс в школе кадров, было 60 представителей интеллигенции — мужчин и женщин, людей искусства и науки. Они жили и учились бок о бок с сыновьями крестьян и рабочих, вместе с ними обсуждали планы предстоящей сельскохозяйственной кампании, знакомились с методом критики и самокритики. И инструкторы и остальные слушатели относились к ним очень тепло—ведь эти люди представляли ту часть народа, которая обладает знаниями. Они так нужны сейчас и будут так необходимы завтра, в период реконструкции страны. На протяжении долгого вечера десять человек из них, собравшись за столом, рассказывали мне о себе и расспрашивали о жизни в Америке. Говорили они свободно и откровенно. И если я не записал все до единого слова, то лишь потому, что то и дело отрывался от своих записей. Я был поражен тем, что мне привелось услышать.

Первой взяла слово очень хрупкая, печальная женщина с иссиня-черными косами, по имени Тон Тхи Кун. Она рассказала:

— Я происхожу из королевского рода. Мой отец во время японской оккупации занимал должность советника. Мой муж в 1943 году был врачом в Ханое и его послали в Токио изучать бактериологию. Некоторое время он оставался там и после войны — работал в лаборатории, которой заведывали американцы. В 1949 году, вернувшись домой, он изъявил желание заняться изготовлением пенициллина и стрептомицина, используя наши отечественные материалы. Французские власти пообещали ему хорошее место в Ханое, но он убедился, что с ними работать невозможно. Так он пришел в ряды народно-освободительного движения. Я последовала за ним с тремя детьми. (Позже я узнал, что весь путь от Хьюэ—800 километров—эта женщина прошла пешком). Здесь, во Вьет Бакс, мы с мужем изучаем грибковые цитраты и разрабатываем сейчас средства защиты от бактериологического оружия. Мне 36 лет. Как вьетнамская мать, я прошу вас рассказать матерям Америки обо всем, что вы здесь видели,—чтобы на нас не сбрасывали микробов, не губили наши посевы и не убивали наших детей.

Нгуэну Дук Кан 48 лет, когда-то он был чиновником колониального управления. Он тоже бактериолог, но работал в Париже.

— Теоретическое образование я получил прекрасное, но практически был совершенно не подготовлен к решению тех проблем, которые встали перед нами после 1946 года. Французы обучали меня одному, а жизнь выучила другому. У нас, например, не хватало медикаментов — французы окружили нас кольцом блокады. Нам, врачам Вьетнама, пришлось самим вырабатывать их. Для борьбы с оспой потребовалась вакцина — мы ее получили. За эту работу меня отметили правительственной наградой. Я также участвовал в работах по получению ценного пептона из плодов папайи (дынного дерева). Наши лаборатории? Они тут же, в лесу. С очень скудным оборудованием мы все же добиваемся хороших результатов. После конца японской оккупации у нас не было эпидемий. И раненых своих мы вылечиваем... Интересно, знают ли об этом врачи во Франции?

Потом выступил человек лет 35, не больше. Говорил он очень взволнованно и быстро. Зовут его Ву Тронг Канх, он работал юристом в Ханое; позже рассказали мне, что в 1946 году он был юридическим советником делегации Хо Ши Мина в Фонтенбло.

— Я очень гордился своей профессией юриста, — начал он. — Но понадобилось шесть лет борьбы в рядах Сопротивления, чтобы я понял истинное значение права. Теперь я понял, что такую проблему, как нищета, нельзя разрешить с помощью тюрем. Необходимо повысить уровень жизни и расширить производство,— этому и учит нас наше правительство.

Здесь, в освобожденных районах, человека, совершившего преступление, — скажем, кражу, — отдают на суд всей деревни. Односельчане — вот кто берется его перевоспитывать. Если преступление настолько серьезно, что заслуживает тюремного заключения, осужденный и в тюрьме должен выполнять полезную работу и повышать свой образовательный уровень.

Скажу вам откровенно, здесь, в рядах Сопротивления, я пережил глубокую внутреннюю перестройку. Я не марксист, и у нас в школе на диспутах я пытался отстаивать свои взгляды в спорах с марксистами. Это было серьезным испытанием для меня. Только здесь, в лесах, я понял истинное значение свободы слова. Выходит, что я сам подвергся перевоспитанию. Мне пришлось пересмотреть все мои взгляды, сопоставить их со взглядами моих товарищей по школе, и только тогда я осознал и смысл моей работы как юриста, и подлинный смысл всей моей жизни.

Дома, в семье, мы тоже занимаемся перевоспитанием. Моя жена теперь считает, что она должна трудиться, чтобы самой зарабатывать. Она стала портнихой. Повторяю, я не коммунист, но здесь, в лесах, и коммунисты и не коммунисты обсуждают все вопросы, которые их волнуют, и живут в полном согласии. — Ву Тронг Канх помолчал и спросил:—А скажите, имеется ли у вас возможность рассказать обо всем этом американскому народу, чтобы помочь нам в нашей борьбе?

Следующим заговорил Доунг Хонг Хтен — агроном 34 лет, в очках, внешностью напоминающий кабинетного ученого, — до этого он быстро что-то записывал.

— Я учился во французском лицее и происхожу из семьи, в которой пять поколений были высокообразованными людьми. Они всегда ладили с колонизаторами и жили, процветая за счет своего народа. В 1945 году я был в Сайгоне. Поведение французов глубоко возмутило меня. Я уехал в Ханой и начал работать в министерстве сельского хозяйства Демократической республики. И как я сожалел, что потерял целых пять лет, работая до того с колонизаторами! Я изучал «теорию». Но на что мне были такие «знания»? Я изучал Менделя, Моргана, Вейсмана. Правильную дорогу для себя нашел лишь тогда, когда вышел в поле вместе с крестьянами, вооруженный трудами Мичурина, произведениями советских и китайских ученых.

В двух деревнях мы уже добились повышения урожайности на 30—40 процентов. Во Вьет Баке всегда не хватало риса, но начиная с 1949 года, мы ведем плановое хозяйство и теперь вполне себя обеспечиваем. С голодом у нас покончено. В провинции Фу-То тысяча гектаров целиком засевается кукурузой. Мы уже применяем сортировку семян, удобрение полей навозом и более глубокую вспашку. Несмотря на то, что многие дамбы разрушены, мы, используя правильные севообороты, подняли урожайность в среднем на 10 процентов. Я убежден, что мы находимся на правильном пути и что я тружусь не только ради освобождения нашей родины, но и ради моего собственного счастья.

Затем поднял руку пожилой человек с упрямой щеткой коротко подстриженных волос на голове. Это — Нгуэн Ду Хьен, инженер-железнодорожник с двадцатилетним стажем. Ему 48 лет, у него девять детей (он сообщил это с гордой улыбкой). Старшей дочери 26 лет, один сын— артиллерист в Народной армии, другой — военный врач. Правительство направило его во Вьет Бак на восстановление железнодорожной линии, которая соединяла Хайфон с китайским городом Юньнань. Выражался он очень кратко и точно.

— В годы японской оккупации мы разрушили эту дорогу, теперь наше дело—восстановить ее. У нас ничего не было: ни машин, ни цемента для мостов, даже рельсов почти не было. И в таких трудных условиях, что и описать их невозможно, инженеры и рабочие общими усилиями все же восстановили всю железнодорожную линию. А ведь на ней одних только мостов было не менее 120. Мои прежние знания принесли пользу только тогда, когда я стал применять их, работая с народом.

Поднялся худощавый мужчина с черными, как уголь, глазами, он улыбался, пока слушал других, — То Нгок Ван. Он единственный художник в этой группе, бывший директор отдела изящных искусств колониальной администрации Индо-Китая.

— Здесь я возглавляю школу изящных искусств, — да, да, здесь, в лесу, у нас есть школа живописи. Будь у вас время, я показал бы вам ее. Конечно, мастерских и студий у нас очень мало. Но важно то, что своих соотечественников мы знаем куда лучше, чем прежде. Мы видим их по-иному, по-новому.

Здесь мы работаем, устраиваем выставки — и постоянные и передвижные. На последней выставке мы показали не менее сотни картин. Да, повторяю, благоустроенных студий у нас пока нет, но нас здесь 30 человек, и все мы стремимся отобразить на полотне борьбу нашего народа. Художники Франции? Мы знаем, что большинство из них не одобряет войну, ведущуюся против нас. Нам очень хотелось бы услышать голос крупных французских художников, их выступление против этой жестокой войны...

Последним говорил Нгуэн Туан, грузный лысеющий брюнет с выпуклым лбом, — он слушал всех остальных, плотно сжав губы. Ему свыше 40 лет, его 24-летний сын сражается в Народной армии.

— Когда-то я увлекался театром, писал пьесы и рассказы. Читал книги Кестлера *, который очень плохо повлиял на меня. Упивался книгами авантюриста и предателя Андрэ Мальро. Он и Андрэ Жид— оба они сильно мне повредили. Андрэ Жид — что он хорошего сделал для мира? Ничего. А ведь когда-то его книги были для меня почти святыней.

В ряды Сопротивления я пришел в 1948 году. Тут я понял, как ничтожно было все, чем я увлекался до тех пор! Я прошел долгий путь с нашей армией, но чего стоили все мои заметки? А все это произошло потому, что я тогда еще не овладел марксизмом. Я писал про партизан, про вольного стрелка, но я не видел за ними класса. Я пережил творческий кризис и лишь после этого стал писать лучше, например, рассказы — короткие и нужные. Социалистический реализм, который я изучаю, открыл мне глаза. Раньше я не умел видеть. Теперь же я знаю, что такое созидательный труд. Я читал Энгельса и понимаю, что он хотел сказать словами: свобода — это «познанная необходимость».

Немного помолчав, он продолжал так, словно освобождал свою душу от непосильной тяжести: — Что я знал до войны о своей стране? Теперь я могу поехать в полк к сыну, изучить жизнь наших солдат и правдиво описать ее. Здесь, в школе кадров, мы действительно нашли самих себя. Здесь все мы освобождаемся от ошибочных взглядов, и я и многие другие надеемся увидеть великий расцвет нашей культуры. Да, я во всем обязан Лао-Донгу*, нашей партии. Как это сказал Арагон? «Вернула партия мне Франции цвета»... ну вот, а мне партия дала зрение, научила меня видеть.

Я смотрел на этого человека и не решался заговорить. Остальные тоже молчали. Его речь звучала так, словно он обращался к тысячной аудитории...

* Артур Кестлер — реакционный писатель-декадент, известный тем, что в своих клеветнических романах выступает в качестве ярого проповедника злобного индивидуализма и мистики.

* Лао-Донг — вьетнамская Трудовая партия.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б01275.